

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЧЁРНАЯ ВУАЛЬ

Дэниел Хорн

Хорн Дэниел Чёрная Вуаль

<https://litres.ru/74331942>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ода чёрному цвету, хранящая в себе мистические, трагические и ужасающие истории несчастных, чья жизнь пересеклась с тайнами, которые ни один здравомыслящий человек не захотел бы разгадать по своему желанию.

Содержание

Сгинувший Ириехам	4
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Хорн Дэниел Чёрная Вуаль

Сгинувший Ириехам

Люди говорят, что за смертью приходит вечный покой. Чушь! Это заявляю вам я – тот, кому против воли пришлось узнать правду. Уж лучше поверьте мне и... крепитесь. Смерть – это не конец. Это только начало...

Только что отец отбыл по делам во Францию, куда я не горел желанием попасть, да и не попал, потому что искусно сыграл простуженного. Пришлось конечно изображать из себя больного перед прислугой и пить лекарства, но, к счастью - это было «наивысшим злом» в постановке Коула Мастерсона.

Никому ни к чести обманывать главу собственной семьи, особенно родителя, но на то у меня были причины. Я всегда был не в восторге от торговли и её правил, о чём отец бесспорно подозревал, но своего искреннего разочарования никогда бы не выказал - не такого порядка он человек. И всё же, когда-нибудь мы будем вынуждены сойтись в непримиримом споре о моём будущем, и мне страшно было предста-

вить, чем он мог закончиться. Я не видел себя достойным наследником всеми уважаемого владельца единственной в штате швейной фабрики Роберта Мастерсона, наладившего поставки несравненного качества тканей для собственного производства и готовых женских туалетов для местных магазинов одежды. Всё сырьё и товары для продажи доставляли прямым из Франции; этим отец поспособствовал росту благосостояния нашей семьи и капиталов вкладчиков, а вкуче с этим уменьшению безработицы, что безмерно радовало губернатора штата. В последний год он стал всё чаще брать меня с собой на фабрику и всячески пытался вызвать во мне интерес к швейному производству, но отец стойко не замечал, или не хотел замечать, главного – я даже не старался учиться основам и тонкостям управления делом всей его жизни. Но больше отцовских уроков я ненавидел его деловые поездки, особенно за границу – долгие, скучные, и они, в прямом смысле слова, отбирали моё драгоценное время бурной молодости. Как же хорошо, что я правдоподобно «занемог», теперь в моём распоряжении было несколько недель для отдыха от постоянного напора Мастерсона старшего.

Благодаря мнимой болезни я вот уже третий день наслаждался свободой, проводя время в основном в кровати за чтением бульварных романов, как совершенно неожиданно домоправительница Эдда известила о прибывших гостях:

- Вас желает видеть миссис Лаура Нотиннес.
- Супруга сэра Нотиннеса? – поинтересовался я с искрен-

ним удивлением.

Эдвард Нотиннес был уважаемым человеком, хотя совсем недавно его считали неудачником, который зачем-то продолжал содержать небольшое и почти не приносящее прибыли торговое судно. Шесть лет назад он, благодаря воле случая, стал мелким деловым партнёром моего отца и взял на себя обязанности по перевозке сырья из Франции в Америку, что со временем вылилось в выгодное сотрудничество. Всего через два года мистер Нотиннес смог позволить себе заказать постройку двух крупных грузовых кораблей и тем самым расширить списки поставляемого сырья для моего отца. По этой причине семья Нотиннесов обзавелась внушительным заработком и была всецело обязана этим Роберту Мастерсону.

Я же лично видел мистера Нотиннеса лишь дважды, да и то мельком, пока сопровождал отца в швейном цехе. Мы до сих пор не были даже представлены друг другу, настолько он был занятой человек. Мистер Нотиннес редко бывал не то чтобы дома, а в стране, потому что он постоянно плавал во Францию, чтобы лично контролировать качество товаров, предназначенных для моего отца и нескольких мелких партнёров. Оттого неудивительно, что я не имел чести, как, впрочем, и желания, знать всех членов семейства Нотиннесов.

- Да. Она пришла с дочерью. Такая красавица, и смею предположить - ваша ровесница, ну может на пару годков помладше. Они хотели навестить вас и справиться о вашем

здоровье. Пригласить их?

Мне совсем не хотелось принимать гостей, да к тому же их приход носил скорее всего вынужденный характер, так что искренность их побуждений была под большим сомнением. Видимо отец рассказал мистеру Нотиннесу о моей лёгкой болезни, а тот первым же делом направил в своё имение письмо с наказом для жены и дочери оказать мне визит вежливости. Единственное, что всё-таки заинтриговало и побудило меня принять визитёров - это «красавица-ровесница», а я всегда был не прочь обзавестись подобными знакомствами.

- Да, конечно, пригласите. Только возвращайтесь к ним помедленнее, не могу же я предстать перед ними в таком виде. Эдда, а мисс Нотиннес насколько красива? Она так же хороша, как дочь металлурга Хаубрека Констанция, или...

- Вы как всегда грубы, юный сэр. Вам бы пора перестать смущать меня такими вопросами. Ваш отец уж точно не одобрит, что я обсуждаю с вами девушек в такой манере... но да, мисс очень прелестная.

Эдда любила читать мне нотации, всё же она строгая домоправительница, которая работала в этом доме задолго до моего рождения, а потому её порой укорительно-воспитательное, но всё же тёплое отношение ко мне, было нашей маленькой дружеской игрой. Хорошо, что Эдда всегда прикрывала меня, ведь кто знал, что бы со мной сотворил отец, узнай он каких порой дел и с чьими дочерьми я наворотил?

А что бы он сделал с Эддой за утаивание, и, тем самым, потворствование моим проступкам я боялся даже представить.

- Вы не устанете меня поучать, верно?

- Как я не раз говорила, пока вы не повзрослеете, а вам уже давно пора.

- Знаю-знаю. Эдда, задержите их минут на пять, больше мне не нужно.

Как только экономка вышла из комнаты, я вскочил с постели и принялся наспех приводить себя в порядок. Мне как «больному» можно было бы не сильно стараться, но раз в дом явилась «красавица», то нельзя было ударить в грязь лицом. Пока я рыскал взглядом по комнате в надежде найти расчёску, меня окликнул кто-то из прислуги:

- Ваша рубашка, сэр.

- Спасибо!

Я взял рубашку и мысленно поблагодарил Эдду, так как был уверен, что чистую одежду принесли по её указу. На скорую руку я умыл лицо и брызнул несколько капель на расчёпанные волосы в попытке пригладить их. Цирюльник из меня выдался никудышный, да и не так-то просто было уложить мои непослушные чёрные кудри, но для якобы больного вышло неплохо. Переодевшись, я вернулся к кровати, для вида подобрал первую попавшуюся из стопки на прикроватном столике книгу и сел в стоящее рядом кресло.

За дверью слышались шаги, гости уже поднимались по лестнице. Мне казалось, что я уж чересчур расфантазиро-

вался о красоте девушки, но нежность долетавшего до меня юного голоса ещё больше подстёгивала распалённое воображение. Я не хотел нырять в омут ветреных чувств с головой, иначе можно было неосознанно повести себя неподобающим образом и тогда меня бы точно настигли последствия в виде разгневанного отца. Он не одобрял даже невинных прогулок с девушками, потому что такие связи, как отец постоянно говорил: «непременно скажутся на репутации нашей семьи». Фигура Роберта Мастерсона всегда была на виду и слуху у людей, а потому мой интерес к молодым особам, по его мнению, должен был ограничиться только поиском супруги, и никоим образом не относиться к мимолётному увлечению. Я, по меркам незамужних девушек, был завидным женихом, а потому интерес чьих-то дочерей и уж тем более их родителей ко мне был очевиден и не лишён расчётливости, но заявлять то, что я никогда этим не пользовался, было бы откровенной ложью. Так что приближавшаяся к моей двери молодая незнакомка и вправду могла иметь на меня виды совсем уж далёкие от добросовестной заботы или светской вежливости, а я не отрицал возможности, что мог бы воспользоваться этими корыстными видами для собственной улады.

Гости были уже у порога. Выпрямив спину, я открыл книгу и принял вид увлечённого чтением. Через мгновение дверь в комнату открыли, и я услышал, как Эдда пригласила дам пройти внутрь.

Первой вошла миссис Нотиннес. Статная женщина, мор-

щины уже тронули её лицо, на котором ясно вырисовывались черты покорной супруги. Я мог лишь подозревать, но что-то мне подсказывало, что визит вежливости не вызывал у неё ни капли интереса ни ко мне, ни к моему здоровью, а лишь обострял усталость от бесконечных поручений мужа ради деловой и раздражавшей меня «семейной репутации».

Однако моей жизни суждено было перевернуться с ног на голову, едва я увидел прекрасное создание, чей вид заставил трепетать саму мою душу и разум в придачу. Её чистое лицо с правильными чертами украшали пышные губки, голубые глаза и светлые волосы, похожие на золотые нити, которые будто сплели и пересекли с моей судьбой сами Мойры.

- Я рада лично с вами познакомиться, мистер Мастерсон! - поприветствовала меня миссис Нотиннес. - Мой муж прислал письмо, которое я получила сегодня утром. В нём он сообщил, что ваш отец крайне обеспокоен здоровьем своего единственного сына и желает поскорее вернуться домой, чтобы увидеть вас в добром здравии. Я не посмела пренебречь этими словами, поэтому мы с дочерью решили навестить вас.

«Я не посмела пренебречь этими словами». Как же глупо и фальшиво это прозвучало. Миссис Нотиннес прекрасно понимала, она ничем не могла мне помочь. Всё, что мне было нужно для выздоровления давала Эдда, но вот появление прекрасной девушки действительно могло исцелить меня от тоски. Мне не хотелось как-то обидеть миссис Нотин-

нес, поэтому я старался не смотреть слишком пристально на её дочь, но как же мне не терпелось с ней познакомиться. Дабы не прерывать разговор молчанием, я хотел поблагодарить женщину за визит, но не успел.

- Позвольте познакомить вас с Лавьен.

Лавьен Нотиннес. Я впервые слышал такое элегантное и столь подходящее имя для явившегося передо мной ангела. Она мне улыбнулась! Это был всего лишь миг до того, как Лавьен впервые заговорила со мной, но мне казалось, что высшие силы замедлили само время, чтобы я смог подольше насладиться движением её прекрасных губ.

- Рада с вами познакомиться, мистер Мастерсон! Как вы себя чувствуете?

Какой же прекрасный у неё оказался голос. Он – шёлк, ласкавший мой слух. Я бы отдал всё на свете, чтобы до конца своих дней голос Лавьен звучал только для меня. Бесспорно, я влюбился.

- Чувствую себя гораздо лучше, благодарю! Скорее всего уже на днях буду в полном здравии.

Я старался говорить спокойно, не выдавая разгорячённых чувств, но беспорядок в моих мыслях всё же дал о себе знать совершенно неожиданным образом. Мой разум не подкинул идеи лучше, чем пригласить дам за стол, который я не смог бы разделить с Лавьен из-за «болезни».

- Вы не голодны? Может мне приказать подать обед?

- Вы очень заботливы, мистер Мастерсон, но мы отложили

ближайшие срочные дела ради вас. Раз вы чувствуете себя много лучше, то нам бы не хотелось больше вас беспокоить. Но я благодарна за вашу заботу и теперь хочу ответить взаимностью. Как только вы окончательно выздоровеете, нашей семье будет приятно, если вы сообщите об этом в письме. Тогда же я вышлю вам ответное письмо с приглашением к нам на обед или ужин в честь нашего знакомства. Вы же не откажете нам в такой любезности?

Я мог бы сказать, что был в восторге от находчивости этой женщины. Всего за минуту она поставила меня в положение «выбора без выбора», при этом, почти не выдав своего нежелания вообще посещать такого юнца как я, чтобы просто справиться о здоровье. Но я нутром чуял, что стоявшая передо мной миссис Нотиннес желала поскорей получить ответ и наконец отправиться по своим делам. Впрочем, в этом не было ничего плохого, по крайней мере я получил гарантированный билет на новую встречу с девушкой своей мечты.

- Как я могу вам отказать? Я обязательно оповещу вас и конечно же приму приглашение.

Миссис Нотиннес улыбнулась, и на мой взгляд, это была первая искренняя эмоция на её лице. Я решил лаконично подвести итог этому визиту, рассчитывая убедить мать Лавьен в моём нежелании отнимать время у представителей столь делового семейства.

- Позвольте мне вас проводить.

Я хотел было встать с кресла, но тут же был остановлен

непонятно отчего взволновавшей женщиной.

- Нет, нет, прошу вас, не вставайте. – Миссис Нотиннес утерjala всякие признаки высокородной стати и всего за мгновение обратилась в простолюдинку, боявшуюся как-то не угодить влиятельному джентльмену. – Вы хоть и хвалите своё самочувствие, но я не прошу себе, если отберу у вас нужные для выздоровления силы.

- Благодарю вас!

И я остался в кресле, совершенно не понимая, что же так встревожило миссис Нотиннес?

- Эдда, проводите наших гостей.

- Да, сэр.

- Всего доброго, мистер Мастерсон, – попрощалась со мной миссис Нотиннес и покинула комнату.

Потянувшись к столу, я хотел было вернуть книгу обратно в стопку, как вдруг заметил боковым зрением Лавьен, которая будто бы ждала моего внимания. Я повернулся к ней и остолбенел от внезапной мысли, что передо мной сейчас стояла девушка, которой я вот-вот собирался сделать предложение руки и сердца, но отчего-то мне не удавалось даже заговорить с ней. И тут мир застыл в одном мгновении, а мой разум предательски оставил меня, стоило только услышать пожелание ангела:

- Я буду ждать вас в гости. Поправляйтесь поскорее.

Лавьен проследовала за матерью, и я обратил внимание на Эдду, которая улыбалась шире обычного. Домоправитель-

ница вышла из комнаты и закрыла за собой дверь, а я так и остался сидеть в кресле без малейшего движения. Всего одной фразой Лавьен обратила моё тело в камень, а душу в густой туман, окутавший мой вдумчивый разум. Впервые в жизни я чувствовал себя настолько необычно. Не знаю, сколько я так просидел, возможно больше десяти минут, но вырваться из объятий приятных мыслей меня подтолкнули внезапные размышления о причинах «испуга» миссис Нотиннес. Почему женщина, которая не только ни в чём не нуждалась, но и принадлежала семье с безупречной репутацией, так отреагировала на вежливое предложение молодого человека проводить её? Это показалось мне странным, но чутьё настаивало, этот визит вежливости на самом деле был хорошо отрепетированным спектаклем. Но какова была его цель? Единственной причиной, приходившей на ум, был мистер Нотиннес. Неужели он до сих пор настолько зависел от дел моего отца, что был способен так унижительно использовать свою семью ради его расположения? Более того, в вопросе партнёрства между моим отцом и мистером Нотиннесом от меня же не зависело ровным счётом ничего, а значит моё благоволение точно бы ничего не изменило. В конечном итоге я просто выбросил эту мысль из головы, и теперь в ней не осталось ничего кроме грёз о Лавьен, которые заставляли голову идти кругом.

Мне захотелось переодеться и провести, как я уже решил, последний день мнимой болезни в кровати. Но только

я встал, как в дверь постучались, и я услышал голос Эдды:

- Юный сэ, могу я войти?

Ох уж этот «юный сэ». Эдда звала меня так с тех пор, с каких я себя помню, и только тогда, когда мы оставались наедине, ведь именно с этого обращения начинались наши личные беседы. Я очень любил Эдду, и был уверен, эти чувства взаимны, потому что я заменил ей ребёнка, которого у неё никогда не было, а она мне – маму. Свою настоящую мать я совсем не знал, единственное что я мог поведать о той женщине - она умерла, подарив мне жизнь и красивое имя с необычным происхождением. Я совсем не скучал по ней, даже отец никогда не говорил о покойной жене, и это было не удивительно - он из тех людей, чьи чувства и эмоции всегда хранились под надёжным замком делового и серьезного характера. Но я был уверен, ему тяжело далась эта утрата, так что Эдда и тут в какой-то мере заменила отцу «крепкое плечо». Она была не просто домоправительницей, а «тайным» членом нашей семьи, который конечно ясно понимал, как стоило вести себя в присутствии гостей и младшей прислуги. Эдда - удивительный и заботливый человек, а её порой материнская забота стала для меня неотъемлемой частью домашней атмосферы. Сейчас же привести Эдду к «юному сэру» могло только одно – желание обсудить гостей, в особенности моё знакомство с «красавицей-ровесницей», и я не посмел бы лишить её этой маленькой радости.

- Да, входи.

Эдда сияла от счастья. Мне думалось, что дай этой женщине волю, то она сама меня отмоет от пыли бездельничества, приоденет в выглаженный выходной костюм, причешет и надушит парфюмом, а затем лично доставит на дилижансе к дому Нотиннесов. Впрочем, каждый визит гостей, среди которых были дочери влиятельных господ, оказывался для Эдды поводом для излишней старательности. Только на этот раз я был бы не прочь отдаться в её заботливые руки и быть вскоре доставленным к Лавьен в своём наилучшем виде.

- Вы ей понравились, - прямо с порога начала Эдда, - я это сразу поняла. Какая же она красивая, а вы что? Надо было настоять и усадить их за стол.

- Боюсь, у них были срочные дела.

Я неспроста утаил от Эдды правду о вспыхнувших во мне чувствах к Лавьен. Возможно, я бы и рассказал ей обо всём, вот только подхваченная волной нахлынувшего счастья домоправительница точно не удержалась бы и сразу же поделилась радостью с остальной прислугой, а этого допускать было нельзя. Однажды болтливые языки уже женили меня на чьей-то дочери, а отец, узнав об этих слухах, чуть шкуру с меня не содрал, и той взбучки мне хватило с лихвой.

- Я вас знаю, вы могли бы настоять и, хотя бы попробовать убедить их переменить планы. – Эдда замолчала и протяжно выдохнула. – Ну ладно, уже ничего не поделаешь. Как вы себя чувствуете?

- Чувствую себя хорошо. Думаю, два-три дня, и буду на

ногах.

На самом деле я ощущал себя превосходно. Не было слов, описывающих полноту моего счастья, по крайней мере, я таких не знал. Но вопрос Эдды заставил меня задуматься, а сколько мне необходимо пробыть больным? Я ведь не мог сегодня же направить письмо о своём визите в дом Нотиннесов, это могло показаться наплевательским отношением к их и моему здоровью. Хотя я и не корил себя за притворство перед отцом, но моя мнимая болезнь впервые оказалась противоречивой штукой. С одной стороны, я получил в дар визит Лавьен, но с другой был вынужден изнемогать от нетерпения из-за своей же сообразительности.

- Приятно это слышать. Вы очень быстро пошли на поправку. – Эдда, как всегда махнула на меня рукой и продолжила уже привычным тоном, - да это и не удивительно. Вы молоды и сильны, но вам не помешало бы прогуляться и подышать свежим воздухом.

Эдда почти предвосхитила мои мысли о прогулке к каменному мосту, что пересекал реку Карнэ. С детства это было моё любимейшее место, где я не раз останавливался, чтобы понаблюдать за бегущей водой, движимыми ветром цветами, людьми вокруг, а по вечерам мне нравилось опираться о парапет моста и дожидаться ночи, чтобы созерцать явившиеся звёзды и луну, на чьи отражения в Карнэ я мог любоваться до наступления утра. Мне дико захотелось прогуляться до Карнэ, но уже не в одиночку, а с Лавьен, осталось лишь

дождаться подходящего момента и пригласить её в идеальнейшее место для первого свидания.

- Эдда, я хочу привести себя в порядок и переодеться. Зайди минут через двадцать, у меня будет к тебе поручение.

- Да, сэр. Вам накрыть на стол? Или может принести еду сюда?

- Нет-нет, пока мне нужна только тишина.

- Хорошо, сэр. - Эдда вышла и закрыла за собой дверь.

Я тут же ринулся к столу, не желая терять времени. Достал из ящика бумагу и со всей аккуратностью взялся за перо, дабы моя торопливость не отразилась в строках.

Миссис Нотиннес, к сожалению, я не смог поблагодарить вас за визит как полагается. Ваше внимание придало мне сил, и вот теперь я уже почти выздоровел. Как и обещал, направляю вам письмо, чтобы уведомить о своей готовности принять приглашение на обед и посетить ваш дом, смея рассчитывая на гостеприимство знаменитого и уважаемого семейства Нотиннесов.

Погостить у вас смогу не раньше пятницы. Любая болезнь хитра, поэтому я три дня пробуду дома, чтобы не подвергать риску здоровье ваше, вашей дочери и ваших домочадцев.

С нетерпением жду вашего ответа.

Коул Мастерсон

Перечитав письмо, я остался доволен. Нейтральный тон соблюлён, а пятница станет отличным днём для ответно-

го визита. Конечно, мне пришлось целых четыре дня провести в атмосфере терзающего ожидания встречи, но осторожность всё-таки была важнее разгорячённой головы. Когда я запечатал письмо трепет в моей душе понемногу стал утихать, ведь теперь от меня мало что зависело. Оставалось лишь дожидаться ответа и не умудриться заболеть по-настоящему – это было бы иронично.

За оставшееся время я переоделся и умылся. Успел как раз вовремя, Эдда уже постучалась.

- Входите.

- Какое у вас для меня поручение?

В полном спокойствии, не выражая никаких чувств, я передал ей конверт.

- Это для миссис Лауры Нотиннес. Решил поблагодарить её за визит. Только отправьте его завтра, ближе к обеду. Дома их до этого времени все равно не застать.

- Надеюсь, вы пригласили их к нам?

- Нет, но спросил, когда у них найдётся время, чтобы я смог угостить их потрясающими лакомствами моей Эдды.

Она махнула на меня рукой.

- Да бросьте вы, лакомствами. Обычная еда, – откровенно смутившись ответила Эдда.

- Да-да, так и написал. Но не забудьте, отправить нужно именно завтра, а не сегодня. Не хочу показаться нетактичным, не то миссис Нотиннес запомнит меня как человека, который несерьёзно отнёсся к её словам о делах и сочтёт ме-

ня грубияном.

- Да, сэр! Не забуду, – уже серьезным тоном ответила Эдда. – Вы обедать будете? За весь день же ни крохи не съели!

- Я не голоден, может быть вечером. Хочется поспать, а то и в правду растрату силы, и тогда хворь снова одолеет меня.

Эдда понимающе кивнула и добавила:

- Хорошо. Позвольте мне откланяться? Работы невпроворот, а то я всё вас отвлекаю.

- Идите.

Эдда ушла и оставила меня наедине с мыслями. Я лёг на кровать и закрыл глаза, представляя, как держу ручку Лавьен в шёлковой перчатке и веду её прямо на мост, чтобы остановиться над Карнэ и показать ей то, чем меня так манило это место. Наверное, многие из заставших меня на мосту людей скорее всего не понимали, ради чего молодой человек торчал здесь часами напролёт и так бездумно терял драгоценное время молодости, но они разучились или не умели ценить мир вокруг. Я же приходил к реке ради великолепного вида природы, который теперь мне не терпелось объединить с чувством восхищения от красоты Лавьен. Пока я представлял себе этот день, даже не заметил, как погрузился в сон.

Мне приснился нарисованный мир. Он напоминал белоснежный пейзаж, грани окружения на котором образовывали движущиеся и в некоторых местах мерцающие контуры, похожие на то, что художники вырисовывают углём на хол-

стах перед тем, как браться за краски. Передо мной протекала речушка, это определённо была Карнэ, а за ней раскинулись цветочные поля, лишённые своих ярких природных красок. Сон был мне неподвластен, в нём я шёл по знакомой тропинке. Вскоре я увидел проходящий через Карнэ мост, а на нём её – наполненную живостью цвета Лавьен. И тут ноги понесли меня к ней. Я предвкушал наше воссоединение, но чем ближе я подходил к мосту, тем больше контурный мир и Лавьен начинали размываться. Внезапно меня оторвало от земли, и я полетел, но не к небу. Нарисованный мир словно перевернулся и вот я уже летел с большой высоты прямо на контурную землю. Страх заставил сжаться все мои внутренности и за мгновение до смертельного приземления, я проснулся.

Через два дня наконец пришёл долгожданный ответ. Эдда с помощником была на рынке, поэтому переживать о её любопытстве не стоило, а остальная прислуга даже не заметила, как я забрал доставленное почтальоном письмо. Но даже если бы меня заметили, то никого бы это не удивило, ведь все в доме теперь знали - сын хозяина окончательно выздоровел.

Конверт оказался завёрнут в белую ткань, пропитанную запахом какого-то изысканного парфюма. Мне хотелось верить, что этот изящный жест оказала мне Лавьен, но, учитывая, что её родители тратили немалые деньги на парфюмерию, о чём мне рассказывал отец, то это вполне могла сде-

лать и миссис Нотиннес.

Вернувшись в свою комнату я первым делом раздвинул шторы, чтобы само солнце освещало мне строки. Руки тряслись от волнения, настолько трепет вкупе с жаждой прочитать письмо захватили моё тело и вскружили голову. Мне хотелось разорвать конверт, лишь бы поскорей прочесть послание, но я старался держать себя в руках и учиться терпению, которого мне очевидно сильно не хватало.

Пока я смотрел на конверт, то невольно подумал об отце. Мне бы стоило отправить ему письмо и сообщить о своей победе над болезнью, ведь любому отцу было бы приятно получить несколько строк от единственного сына. Но, насколько сильно я хотел обрадовать его сообщением о выздоровлении, настолько же мне не хотелось браться за перо. Любое слово могло обернуться для меня ошибкой. Отцу бы ничего не стоило вызвать меня во Францию первым же кораблём, чтобы я не терял время попусту и как можно скорее вернулся к освоению тонкостей управления семейным делом. А что могло случиться, если бы я написал о Лавьен? Отец мог всё испортить и ни оставить мне даже крохотного шанса завоевать сердце возлюбленной, а всему виной могла опять оказаться эта треклятая «репутация семьи Мастерсонов». Да и кто знал, вдруг такой человек как Роберт Мастерсон в принципе не захочет родниться с Нотиннесами? Нет, рисковать было нельзя. Сначала стоило заполучить симпатию Лавьен, тогда наши взаимные, искренние и чистые чувства точно бы

никому не навредили, и властному Роберту Мастерсону придётся смириться с таким положением дел. Однозначно, неведение отца – это моё главное преимущество.

Я был удовлетворён принятым решением. После размышлений я вновь вдохнул аромат духов, исходивший от белой ткани. Сладковатые нотки ласкали обоняние, запах был настолько полный, что наводил на мысль о поле с тысячами живых, ярких красок цветов, среди которых я представлял странствующего ангела по имени Лавьен.

Освободив конверт от ткани, я аккуратно сложил последнюю несколько раз и положил на край стола, чтобы ощущать дивный запах во время чтения, а затем вскрыл печать – теперь у меня в руках оказался лист плотной бумаги. Я все ещё проявлял недюжинное терпение, стараясь выработать так нужное мне качество, и пока мне это удавалось, но как же это было трудно. Медленными движениями я разложил лист и принялся читать.

Мистер Мастерсон, известие о вашем выздоровлении обрадовало меня до глубины души. Мне жаль, что мы с моей дочерью не смогли пробыть в вашей компании подольше. Надеюсь, вас это нисколько не огорчило. Кому как ни вам понимать, наша рутина состоит в основном из разговоров и бескончаемых деловых встреч и приёмов. Учитывая, что вы с лёгкостью справились с болезнью и теперь полны готовности отобедать с нами, я незамедлительно переменяла все планы ради вашего визита. Поэтому приглашаю вас на суб-

ботний гостевой обед в имение Нотиннесов.

За вами прибудет наш экипаж, ровно в полдень. Прошу вас, не высылайте письмо с отказом от поездки, всё-таки дорога улицы Кастейн славится ухабами, а наш кучер знает их на зубок. Обещаю вам, поездка будет спокойной и ничего не испортит вашего первого впечатления о доме Нотиннесов.

P.S. Лавъен разделяет мои чувства по поводу вашего выздоровления.

С наилучшими пожеланиями,

Лаура и Лавъен Нотиннесы

Прекрасно, просто прекрасно! Какое там учение терпению, я был готов разорвать само время, пройти сквозь препятствия бесконечности, лишь бы заполучить шанс приблизить время встречи. Моё тело охватило такое возбуждение, что нужно было незамедлительно взять себя в руки. Сделав несколько глубоких вдохов, я вернул власть над собой и спрятал письмо с конвертом в ящик стола под кипу чистых листов бумаги.

Сделав ещё один глубокий вдох, я смирился с мыслью, что теперь мне оставалось только ждать субботы, и, чёрт возьми, как же это было сложно, нетерпение уже начинало снедать меня, хотя прошло всего-то несколько минут. Отбросив мысли, я настежь открыл окно и принялся любоваться родным городом, но как бы я не старался отвлечься и убить время, в голове постоянно всплывала одна и та же фантазия - я

и Лавьен прогуливавшиеся по мосту.

В какой-то момент я подумал: «Лавьен наверняка уже не раз проходила через тот мост, вдруг ей не нравилось это место»? Но даже если так, то она не была там со мной, а мне было, чем её удивить. Оставалось сделать совсем «немногое» - дотерпеть до субботы.

И я дождался, ей-богу, дождался! Проснулся гораздо раньше обычного - только начинало светать. Ещё лёжа в кровати, я увидел в окне тусклое сияние звёзд и первые проблески солнечного зарева. Ускорить время я не мог, но попытаться его убить - вот это было в моих силах. Но за что бы я не брался, ничего не помогало, минуты будто обратились в часы, а часы в недели, но всё же время текло и это было главное. Вскоре явилась Эдда, чтобы разбудить меня, но вместо этого я сам встретил домоправительницу у двери и попросил подготовить выходной костюм. Она конечно же начала расспрашивать о моих планах, а я лишь сухо ответил:

- По делам.

- Не успели на ноги встать, как уже с головой в делах. Отец бы вами гордился.

- Да, Эдда... гордился бы.

Пока экономка готовила костюм, я начал приводить себя в порядок. Через несколько часов домашний бездельник, преобразился в представительного молодого джентльмена, и это несмотря на то, что я всей душой ненавидел наряжаться в выходные комплекты. По мне простая и комфортная одежда

лучше подходила для человека моего склада. Свобода мысли, свобода движений - вот что я всегда признавал, не вынося строгость деловой жизни, которая весьма символично украшала несколько костюмов моего отца. Пару похожих на отцовские комплекты были сшиты и для меня, но эту одежду я на дух не переносил, потому что их узкие жилеты и душащие воротники ни на секунду не давали забыть о деловой репутации семьи Мастерсонов.

Мой же выходной костюм был однотонный и самым что ни на есть обычным, но сегодня я придал ему особенный вид. Во внутренний карман сюртука я положил конверт с письмом Лауры Нотиннес, а ткань, которая всё ещё хранила ненавязчивые нотки дорогого парфюма, я сложил в нагрудный карман вместо платка-паше, и очень надеялся, что мать Лавьен обратит на него внимание.

Время близилось к полудню. Я напоследок взглянул на себя в зеркало и остался доволен отражением. Сегодня всё было на своих местах, кроме моего внутреннего спокойствия. К своему удивлению я начинал нервничать от одной только мысли о встрече с Лавьен и мне ненадолго даже стало дурно. Видимо такая нервозность была свойственна всем, кому когда-либо приходилось влюбляться.

Когда я спустился на первый этаж, передо мной предстали работники дома; каждый занимался поручениями стоявшей в центре гостиной домоправительницы, то и дело раздававшей новые указания. Когда Эдда начала говорить что-то о

кухне, она обернулась и заметила меня.

- Уже уходите, сэр? Когда вас ждать? – метнула она вопросы уже почти подойдя ко мне.

- Да, меня подвезут. Вернусь вечером, не раньше.

- Мне приготовить ваше любимое... - Эдда украдкойглянула по сторонам, так она проверяла, есть ли возможность незаметно проявить свою «материнскую заботу». – Ваше любимое от тётушки Эдды?

Домоправительница славилась своей готовкой, и поэтому ей удалось невероятное, теперь мои мысли были посвящены только вкусностям от Эдды, которыми она часто баловала меня. От фантазий о вкусных блюдах мой рот тут же наполнился слюной, и я сглотнул.

- Нет, Эдда, очень хочется, но сегодня вам лучше не готовить. Но поверьте, завтра в моём животе найдётся место только для вашей стряпни.

Эдда смутилась и вновь поглядела украдкой по сторонам. Затем она посмотрела мне прямо в глаза и взяла мою руку. Она нежно провела грубыми пальцами по тыльной стороне моей ладони и прошептала:

- Договорились. Но запомните, завтра я отказа не приму.

- А завтра отказа и не будет, – прошептал я в ответ.

Домоправительница отпустила мою руку, оглядела меня с ног до головы и продолжила:

- Вы сегодня красивы как никогда.

- Не могу не согласиться.

Эдда несколько раз кивнула и резко ахнула, заведя кого-то из младшей прислуги:

- У меня же работы полный дом, а я вас задерживаю, ещё опоздаете из-за меня.

Эдда вернулась к своим обязанностям, а я проводил её взглядом и улыбнулся. С каждым днём я всё больше привязывался к этой женщине и мне было очень жаль, что я не мог во всеуслышание объявить Эдду своей названной матушкой. Не было в мире рук заботливее, чем руки моей второй мамы, прикосновение которых, казалось, всё ещё согревало мою ладонь. Как же я был благодарен судьбе за то, что в моей жизни была Эдда, моя милая Эдда.

Экипаж прибыл вовремя, я устроился в нём весьма удобно и вновь погрузился в беспокойное ожидание. Когда мы добрались до улицы Кастейн, дорога действительно ощущалась ровной, как было обещано мне миссис Нотиннес, но от того хуже. Я ждал тряски, любого неудобства, которое помогло бы мне отвлечь от себя раздражающее переживание, но никак - кучер и вправду оказался мастером своего дела.

До встречи с Лавьен оставались считанные минуты, а мой лоб так некстати покрылся испариной. Белым платком в нагрудном кармане я воспользоваться не мог – это было бы оскорблением моих высоких чувств. Вместо этого я взял с сиденья подушку и вытер о неё лицо. Поступок недостойный, но никто не видел, а значит, Коул Мастерсон не был уличён в дурных манерах.

Когда я вернул подушку на место, то заметил, что мы уже миновал ворота имения Нотиннесов. Экипаж остановился, но сам дом я не успел разглядеть, лишь услышал, как кучер спрыгнул, направился к двери и открыл её. Внутри тут же проник прохладный, приятный ветерок, но мне всё равно стоило поторапливаться, иначе лоб снова бы покрылся испариной, ведь моё сердце колотилось от волнения, как паровой состав. Удивительно, как я ещё не свалился в обморок.

Сделав глубокий вдох и резко выдохнув, я вышел из дилижанса. Перед трёхэтажным гигантом с восхитительной архитектурой стояли две прелестные дамы из рода Нотиннесов. И внезапно, беспокойство как рукой сняло, стоило мне только увидеть Лавьен.

Подойдя к дамам, я остановился перед миссис Нотиннес и оказался впечатлён её видом. Её можно было бы принять за совсем другую женщину, далеко не ту, что посещала меня в начале недели, потому что сейчас мать Лавьен пылала красотой и жизнью, да ещё выглядела моложе примерно на десяток лет. Теперь мне было понятно от кого моя возлюбленная унаследовала девичью красоту.

- Мистер Мастерсон, - кивнула мне миссис Нотиннес в знак приветствия и протянула руку.

Я поцеловал тыльную сторону ладони, так отец всегда велел мне приветствовать дам.

- Миссис Нотиннес, я рад наконец быть вашим гостем. Давно не бывал в этой части города и позвольте мне выра-

зить восхищение. Имение поражает красотой. Определённо, этот дом – архитектурный самородок улицы Кастейн.

- Мне приятно ваше замечание, наша семья вложила целое состояние в этот имение, и я говорю не только о деньгах. Мой муж весьма внимателен к нашим пожеланиям, поэтому всё в этих стенах создано в соответствии с нашими вкусами и предпочтениями. Это самый настоящий фамильный дом, чьи стены будут вечно хранить память о многих поколений Нотиннесов.

Тот самый образ загадочной и прекрасной дамы, недавно зародившийся у меня в голове, рассыпался. Теперь я слушал самую заурядную жену самого обычного мужа, обладавшего хоть каким-то состоянием. Не бывало в моей жизни случаев, когда хозяйка во всеуслышание бы заявила: «то, что есть у меня – это самые обычные вещи, а сама я не славюсь уникальными вкусами и предпочтениями». Без лукавства, дом Нотиннесов и в правду был приятным пятном на фоне окружавшей меня архитектурной безвкусицы. От него веяло индивидуальностью, а не слепым подражанием модным течениям, обусловленным благосостоянием и социальным положением. Я глубоко убеждён в том, что дом – это в первую очередь обитель семейства, а не постамент для памятника, демонстрирующего всем вокруг толщину кошелька его владельца.

Впрочем, что такое фамильный дом, когда главная ценность Нотиннесов стояла совсем рядом? В образе Лавьен ме-

ня совсем не волновало ничего из того, что не имело отношения к её ангельскому телу - ни платье, ни косметика, ни даже брошки или другие украшения. Моё внимание было отдано чертам её прелестного лица, золотому переливу волос, которые сегодня были завязаны в изящный пучок, и, конечно же, направленным на меня голубым глазам.

- Здравствуйте, мистер Мастерсон!

Она протянула руку и улыбнулась мне. О боги! Моя уверенность вновь пошатнулась.

- Здравствуй, Лавьен!

Я коснулся её руки и внутренне заликовал. Какой шёлк, какая нежная кожа. Со всей нежностью я поцеловал руку Лавьен и ощутил дивный аромат её духов, напоминающий смесь экзотических специй и какого-то цветочного букета. Он очаровывал и пленял меня.

Собравшись с силами, я отпустил руку Лавьен.

- Прошу вас, мистер Мастерсон, пройдёте в дом.

Миссис Нотиннес развернулась и направилась ко входу. Я уже хотел последовать за хозяйкой, как Лавьен вновь одарила меня теплом своего внимания.

- Вы взяли платок? Это так мило. Надеюсь, вам понравился парфюм?

Всё-таки это был её подарок! Теперь этот платок станет неотъемлемым элементом всех моих костюмов. Куда бы я ни пошёл, где бы я не находился, я не расстанусь с ним ни за что.

- Я был в восторге. Удивительно, насколько тонок ваш вкус к дивным ароматам.

- Когда я вас увидела, мне сразу захотелось подобрать особый букет. Других таких нет, эту формулу составили по заказу отца. Пойдёмте, не будем заставлять матушку ждать.

Я немедленно последовал за ней, упиваясь приливом счастья. Кто ещё был способен сделать мне такой подарок? Она очаровала меня своим трудом, своим выбором, она преподнесла мне частичку себя. Теперь настала моя очередь удивлять, я должен был решиться и пригласить её на Карнэ.

Во время обеда я старался есть больше для вида, да и разговоры напоминали «сухие деловые беседы». Миссис Нотиннес, как и ожидалось, была горда и счастлива дружбой наших семей, её радовали перспективы этого делового союза и то растущее влияние, которым овладевала её семья. Конечно же, какая мать упустит возможность лишний раз превознести свою дочь в глазах сына Роберта Мастерсона, но она видимо так и не заподозрила, что её старания тщетны. Не существовало в мире слов, способных ещё сильнее влюбить меня в Лавьен.

С каждым рассказом миссис Нотиннес я лишь подмечал полноту характера и таланта её дочери. Увлечение книгами, обучение игре на пианино, участие в жизни нашего города, успехи в местной школе искусств - всё это было лишь частью выдающихся качеств сидящей напротив меня умницы.

Всё шло как нельзя лучше, но близился вечер, и я старал-

ся затянуть беседу, поднимая самые пресные, но волнующие миссис Нотиннес темы, пока мой слух не покорило заявление хозяйки дома.

- Мистер Мастерсон, сегодня вечером я должна написать письмо мужу. Мне будет приятно сообщить о вашем визите. Может быть и вы напишите своему отцу, а завтра наш посылный приедет к вам и заберет письмо? Это было бы так чудесно!

А вот такого поворота событий я никак не ожидал. Судя по словам миссис Нотиннес, меня никто не собирался приглашать на ночлег, но теперь это меня совсем не заботило, ведь на кону стояло столь нужное мне неведение отца. Я оказался в сложном положении, если откажусь, миссис Нотиннес наверняка не забудет упомянуть об этом в письме мужу, а этого допускать было нельзя. Да и что же мне написать отцу? Что я отобедал в доме Нотиннесов и все? Если я скрою свои чувства к Лавьен, то это может навсегда отдалить меня от неё. Нет, этого тоже допустить нельзя. Мне нужно было что-то предпринять, и я не нашёл решения лучше, чем пойти на риск.

- Миссис Нотиннес, я конечно же не против, но позвольте мне внести одно предложение.

Лаура и Лавьен Нотиннесы одновременно прекратили есть и с интересом посмотрели на меня. Я и так чувствовал себя некомфортно из-за ситуации, в которой оказался, так теперь ещё и вынужден рисковать, будучи под пристальным

наблюдением Лавьен и её матери, способной в одночасье погубить все мои планы.

- Какое, мистер Мастерсон?

- Вы очень учтивы, ваше предложение мне по душе, но я хочу попросить у вас разрешение пригласить на прогулку вашу дочь. Я бы с удовольствием проводил её до почтамта. Свежий воздух пойдет мне только на пользу, к тому же, я не могу упустить возможность укрепить дружеские отношения с вашей семьёй. Честно признаться, после я хотел бы пройтись с Лавьен до старинного моста, что пересекает Карнэ у цветочных полей, там я смог бы показать вашей дочери моё любимое место, с которого открывается удивительный вид. После я обещаю посадить мисс Нотиннес в дилижанс или проводить до дома лично, но я бы не позволил себе такой дерзости без вашего разрешения.

Я был удивлён собственной смелости, слова из моего рта вылетали с такой уверенностью, будто я репетировал эту крохотную речь не одну бессонную ночь. Теперь я был отдан на волю судьбы и внимательно следил за каждым движением миссис Нотиннес. Она спокойно выслушала меня, после повернула голову к дочери, и они обе лишь молча смотрели друг на друга. Я мог впасть в тёплые объятия самообмана, но мне показалось, что в глазах Лавьен блеснула надежда. Пришлось прибегнуть к силе молитвы, чтобы моё предположение оказалось верным.

- Не вижу причин отказать вам, мистер Мастерсон. Вы

производите впечатление достойного молодого человека, говоря по правде, мой муж никогда бы не стал работать с людьми, о которых бы ходили скверные слухи, пусть даже и пустяковые. Я готова доверить вам дочь, но только до пяти вечера. Понимаете, мне и Лавьен нужно закончить с несколькими безотлагательными делами, потому что послезавтра на рассвете нам необходимо на неделю отбыть по просьбе моего мужа. Если вас устраивает моё предложение, то я распоряжусь, чтобы завтра экипаж прибыл в пять вечера к мосту, и вы смогли бы посадить на него мою дочь.

Каждая мышца моего тела расслабилась, с души свалился тяжёлый валун, а сам я будто очнулся от крепкого сна, придавшего мне могучие силы. Теперь меня совсем ничего не тяготило, однако вновь придётся встретиться с удушающим чувством ожидания завтрашнего дня, а за ним и целой недели.

- Ваше предложение меня полностью устраивает. Благодарю вас, миссис Нотиннес! Я прибуду завтра к полудню на своём экипаже, это время подойдёт?

Мать легонько кивнула дочери, предоставляя ей тем самым право выбора.

- Подойдёт, буду ждать вас с нетерпением.

Лавьен одарила меня робкой улыбкой. Все сложилось как нельзя лучше. Теперь многое зависело от исхода завтрашнего дня, а сегодня я смело отбросил мысли по поводу отца и своей, возможно, недолговечной тайны, подальше.

Остаток обеда прошёл наимприятнейшим образом. Мне провели экскурсию по дому Нотиннесов, показали библиотеку с немалым количеством редких изданий, иной раз таких писателей, чьи имена мне никогда не доводилось слышать. Мы посидели в саду, а перед уходом меня наградили ценным подарком – виртуозной игрой Лавьен на пианино.

Мне было трудно уходить, но деваться было некуда. Домой меня доставил тот же экипаж Нотиннесов, и прибыл я аккурат к заходу солнца. Войдя в дом, я застал Эдду, раздававшую прислуге указания, не зная устали.

- Юный сэр, вы вернулись! Как прошёл ваш день?

- Потрясающе, Эдда, просто потрясающе.

- Я за вас рада. Вы не голодны?

- Нет, меня любезно накормили и напоили чаем. Эдда, приготовьте мне на утро прогулочный костюм.

- Хорошо, сэр. Ещё одна встреча?

- Нет, хочу снова насладиться свежим воздухом. Сегодня он пошёл мне пользу.

- Это правильно, даже таким сильным мужчинам как вы это не помешает.

- Я, наверное, отправлюсь спать. Ах, да, Эдда, попросите подготовить экипаж, завтра к одиннадцати часам он мне понадобится.

- Да, сэр.

Эдда вернулась к своим делам, она не стала донимать меня разговорами и за это я был ей безмерно благодарен.

В комнате я переоделся и принялся искать ответ на важный вопрос, а стоит ли мне вообще писать отцу? Я сел за стол и достал лист бумаги. Взяв перо, я дважды окунул его в чернильницу и начал письмо с обычного приветствия:

Дорогой отец,

Но на ум не приходило ничего подходящего, что можно было бы изложить в письме. Отец в любом случае получит известия о моём визите от мистера Нотиннеса, но чем я смогу дополнить это? Я не имел ни малейшего представления, какие мысли миссис Нотиннес изложит в своей версии описания дружеского обеда, а я мог бы всё испортить любым неудачным словом. Если я не отправлю отцу письмо, его это точно не обидит, поэтому не стоило лишний раз испытывать судьбу. Лучше сперва дождаться завтрашнего дня и приложить все усилия, чтобы добиться расположения Лавьен, тогда я смогу смело сообщить отцу о своих намерениях.

Начатое письмо я спрятал под книгами на краю стола. Ранно или поздно пригодится. Но спрятать себя от насущной проблемы я никак не мог. Я лёг на кровать и отдался размышлениям о завтрашнем дне. Что же мне делать? Как мне добиться расположения Лавьен? Торопиться в делах сердечных не стоило, особенно с такой порядочной девушкой, но у меня было не так много времени, да и был ли у меня выбор? Нет, обстоятельства играли против меня. Единственно верным решением вновь оказался риск. Мне придётся признаться в чувствах Лавьен, но такая торопливость и навяз-

чивость могли оскорбить Лавьен. Но что мне остаётся? Ничего. Только мои виды с моста над Карнэ. Точно! Я поражу её своим художественным взглядом на мир, я открою перед ней душу, покажу ей свою лучшую сторону, а затем признаюсь в чувствах. Мне аж дурно стало от такой бури мыслей, настала пора отдохнуть.

Утром Эдда накормила меня сытным завтраком, и пока прислуга была занята работой, она пожелала мне приятной встречи с юной мадемуазель.

- О чём это ты? – удивлённо поинтересовался я.

- Прошу вас, юный сэр, не оскорбляйте меня ложью. Я же вижу, как вы прячете от меня взгляд, как вы задумываетесь и как в эти минуты дрожат ваши руки. Когда я вижу вас в таком состоянии, мне всё становится очевидно - кто-то завоевал ваше сердце. Вы ещё молоды, сэр, поэтому я вас так легко раскусила. Эта та самая красавица Лавьен Нотиннес?

Я опешил. Чем напористее я старался сохранить тайну, тем больше её обнажал. Эдда была права, я ещё молод и неопытен в делах сердечных, хотя возможно, мне это попросту не дано. Ещё мой дедушка говаривал:

«Роберт бы стал прирождённым политиком. У моего сына дар скрывать свои мотивы под масками, которые даже самые закалённые интриганы не в силах сорвать».

Этим врождённым умением мой отец был известен даже в самых узких кругах. Он хоть и не стал политиком, но как предпринимателю ему не было равных во всём штате, осо-

бенно на фоне политических связей, которые ему удалось заполучить далеко не самыми честными методами. Все партнёры гордились своей причастностью к делам моего отца, но никто так и не смог заработать ни большего уважения, ни больших денег, чем Роберт Мастерсон. Но я был совсем другой, на моё лицо маски не налезали.

- Так заметно?

- Я сразу всё поняла, но не стала донимать вас. Не беспокойтесь, юный сэр. Мой рот на замке! - гордо заявила Эдда.
- Я же понимаю, если бы вы хотели, то уже давно бы всё рассказали вашей Эдде.

- Я вчера был у Нотиннесов, а сегодня я иду с ней на Карнэ, с разрешения её матушки.

Эдда нежно погладила меня по голове. На её глаза начали накатываться слёзы, и затем она шёпотом произнесла:

- Мне так радостно за тебя, Коул.

Я вскочил со стула и взял Эдду за руку.

- Неужели я тебя обидел?

Эдда вытерла слезы и погладила мою руку.

- Нет, конечно же нет. Я просто рада за вас. Вы уже такой взрослый.

Я обнял Эдду не боясь, что это заметит кто-то из остальной прислуги.

- Мне пришлось сохранить это в тайне, я...

Эдда высвободилась из моих объятий.

- Понимаю, вы бы не стали это скрывать, если на то не

было бы причин. Вы боитесь неодобрения вашего отца, но, юный сэр, если вы этого желаете, значит вам это и нужно. Я буду хранить молчание, пока вы сами не решите всё рассказать, ваша Эдда вас поддержит.

Слова названной матери вселили в меня уверенность. Настала пора брать ответственность за свою жизнь в свои же руки, ведь мне выпал судьбоносный шанс и было грех им не воспользоваться.

- Спасибо, Эдда!

Возвращаясь к завтраку, я заметил, что Эдда явно пыталась мне что-то сказать, но почему-то продолжала лишь молча наблюдать за мной.

- Что такое, Эдда? Я же вижу, ты что-то хочешь сказать.

- Я... хочу дать вам один совет, если вы не против, сэр.

- Нет, не против.

- Если вы идёте к Карнэ, то поделитесь с мисс Лавьен какой-нибудь вашей любимой историей или сказкой. Вы так любили, когда ваш дедушка рассказывал вам их перед сном, а мисс Лавьен проникнется к вам доверием, если вы поделитесь с ней чем-то личным. Я хоть и старушка, но мне кажется, девушки ещё не разучились ценить откровенности от мужчин. Ох, сколько же кошмаров вам снилось, сколько раз я успокаивала вас, как же эти сказки вас впечатлили.

Пока Эдда предавалась воспоминаниям, я подумал, что в её предложении есть смысл. По моему замыслу Лавьен смогла бы увидеть спрятавшийся у всех на виду уголок истин-

ной красоты нашего города, но если скрасить такую романтическую прогулку интригующей историей, при этом личной, то почему бы и нет? И я уже выбрал подходящую сказку, о которой не знала ни Эдда, ни даже мой отец. Я расскажу о сгинувшем Ириехаме. Эту историю мне довелось услышать только от деда, а он всегда запрещал мне пересказывать её кому-либо. Даже после того, как дедушку забрали в сумасшедший дом, где он дожил свои последние дни, я никому её не рассказывал. Сомневаюсь, что кто-то мог поведать эту сказку Лавьен, потому что мой дедушка говорил:

«Это только наша с тобой история, а тех, кто о ней когда-либо слышал, уже давно нет в живых. Поверь мне, я знаю о чём говорю. Мне же просто повезло услышать эту сказку. В детстве я встретил вечного путника, назвавшегося пилигримом, он прибыл к нам из каких-то очень далёких земель и утверждал, что является автором некой летописи, «ТиаФаиТ», если мне память не изменяет. Так вот, этот путник оказался собирателем редчайших историй, и одну из них он мне и поведал, но при условии, что я никому и никогда её не перескажу. Я согласился, и он рассказал мне сказку «Сгинувший Ириехам». И я молчал, десятки лет молчал, но как же мне не поделиться одной из лучших в мире сказок с любимым внуком?»

К часу дня я уже был на почтамте в компании моей

несравненной Лавьен. Там мне пришлось впервые соврать ей; я сказал, что не написал письмо отцу, потому что мы с ним ценили живое общение – это наша традиция. Дабы избежать расспросов, я резко сменил тему беседы и начал рассказывать Лавьен о том, какие прелестные виды вскоре откроются перед ней, и, судя по выражению её лица, мне удалось заинтриговать самого ангела.

По дороге в западную часть города я любовался внешностью Лавьен; сегодня она была с распущенными волосами, от неё благоухало прелестными духами с мягкими нотками резеды, а сама она была одета в розовое платье, которое подчёркивало её светлый и целомудренный вид.

Когда же мы добрались до реки, я выскочил из экипажа первым, а затем подал руку Лавьен и помог ей сойти на брусчатую дорожку, ведущую прямоком к мосту. Лавьен меня поблагодарила, и, улыбнувшись друг другу, мы пошли вперед.

Вскоре я слышал журчание Карнэ, успокаивающий шум воды воспринимался сегодня по-особенному приятным. Вскоре мы заметили нужный нам мост. Его кладка была старинной, а конструкция арочной и, по-видимому, выстроенной очень давно. Узнать людей, которые впервые ступали на это сооружение было несложно - они делали это с опаской, боясь свалиться в реку вместе с ненадёжным мостом, а вот коренные жители ходили по нему без малейшего чувства страха. Для меня же древность моста лишь прида-

вала ему надёжности, как и тайна его постройки. Никто из ныне живущих не знал (по крайней мере я так думаю), когда и кем он был построен, даже мой дед, который, как мне казалось, знал всё на этом свете. Пару лет назад я пытался это выяснить, но мои старания так и не увенчались успехом. Этот мост - памятник таинственности и настоящее достоинство города, жаль, что никем не ценимое по достоинству.

Как обычно бывало в субботний день, уже десятки людей прогуливались по мосту, но, как и всегда, никто на моей памяти не останавливался послушать звуки природы, заключающие в себе ритм первозданной жизни. Если кто и останавливался, то зачастую инициаторами выступали дамы, впечатлённые неповторимой красочностью цветочных полей, но они видели лишь то, что невозможно было пропустить. Непревзойдённую же красоту этого места найти было не так просто, чтобы её прочувствовать, нужно было приложить большей усилий, чем просто осматривать округу.

Мы вошли на мост, и я заметил насколько неуверенно Лавьен переступала с ноги на ногу. Это показалось мне забавным и весьма удачным стечением обстоятельств, ведь я мог проявить свою внимательность к переживаниям моей спутницы, а ещё утвердиться в её глазах как настоящий джентльмен. Я осторожно взял Лавьен за руку.

- Не бойся, он столь же крепкий как моя рука.

Лавьен приняла мою поддержку.

- Если так, то как я могу сомневаться?

Эти слова воодушевили меня. Мне показалось, что воздух вокруг пропитался уверенностью, и я жадно вдохнул его и гордо зашагал по каменной кладке. Впервые за долгое время я почувствовал себя по-настоящему счастливым человеком.

Мы дошли до центра моста, и я объявил Лавьен, что мы прибыли. Я подвёл её к левой стороне моста, с которой открывался вид на цветочные поля, а затем положил руки на каменный борт и попросил Лавьен повторить за мной. Она без лишних вопросов сделала это.

- Что тебе напоминают вот эти цветочные поля? Только сразу не отвечай, подумай. Вдруг на ум придёт какой-нибудь необычный образ.

Пока Лавьен рассматривала мириады цветов, я вглядывался в её великолепный профиль. Я начал чувствовать наше единение, словно мы становились дополнениями друг друга, и в этот миг я от всей души пожелал, чтобы время застыло и навечно запечатлело зарождение нашей искренней любви.

- Мне кажется я вижу разноцветное волнующееся море на фоне неба. Так красиво, ветер словно играет с цветами, взгляни! - Лавьен показала на левую часть полей и медленно двигала рукой вправо. – Как будто волны плывут друг за другом. Это будоражит.

- Согласен, действительно будоражит. А теперь прислушайся.

- Журчит вода.

- Хорошо, а теперь повторяй за мной. Посмотри вперёд,

хорошо, а теперь закрой глаза и представь, что так журчит не просто речушка, а целый океан, чья водная гладь усыпана цветами, какие ты только что видела на поле. Ветер ласкает твою кожу, а сама ты вдыхаешь волшебный аромат цветочного океана. И это всё для тебя. Здесь нет ни тревог, ни забот, ни притворства. Есть только ты и твой океан цветов, а вечером, когда солнце скроется за горизонтом, тебя встречают мерцающие россыпи звёзд и сияющая луна. Теперь сама природа заставляет блеснуть мир вокруг, в каждой капле на каждом цветке сияет блеск росы. И всё это только для тебя. Для нас.

- Для нас, – повторила Лавьен.

Я не раскрыл глаз, чтобы не допустить обрушения моей фантазии. Лавьен не просто сказала то, что я так хотел услышать, она разделила со мной волшебный мир фантазии. Наконец, насладившись моментом и открыв глаза, я увидел, что Лавьен всё еще пребывала в собственном воображении. Мне хотелось её вернуть, но как бы я посмел? Ведь кто как ни я знал, насколько эти иллюзии волшебны. Я готов был ждать сколько угодно. Когда она наконец открыла глаза и посмотрела на меня, я понял, что сейчас наступило лучшее время, чтобы последовать совету Эдды.

- А теперь посмотри вон туда, - я показал Лавьен вдаль, на окруженную цветами на дальнем холме высокую каменную колонну. - Видишь?

- Вижу, а что это?

- Лавьен, то что я тебе расскажу, должно навсегда остаться между нами. Пообещай мне.

- Обещаю, - твёрдо и уверенно ответила Лавьен, даже не задумываясь.

- Как гласит легенда, это единственная уцелевшая колонна площади древнего города, в котором давным-давно произошло кое-что ужасное.

Лавьен переметнула взгляд на колонну и рассматривала её так, будто бы пыталась разгадать её тайну.

- Легенда?

- Ну, это не совсем легенда, это скорее сказка. Ты что-нибудь слышала о сгинувшем Ириехаме?

- Нет, впервые слышу. Что это?

Я не был удивлён, всё же, это моя сказка. Теперь Лавьен было суждено стать действительно моей родственной душой, ведь я намеревался поделиться с ней тайной, которая давно не имела двух живых хранителей.

- Когда я был маленьким, дедушка часто баловал меня сказками перед сном, и вот однажды он рассказал мне историю об Ириехаме, которую ему самому поведал в детстве один странник. Этот незнакомец взял с дедушки обещание, что он ни с кем и никогда ею не поделиться, но он всё же нарушил обещание и рассказал эту историю мне. Он тогда был уже очень стар и видимо предчувствовал скорую смерть, поэтому, как я думаю, он решил поделиться сокровенным знанием с дорогим ему человеком, а он к слову очень меня

любил. Да и я любил дедушку не меньше, и поэтому никому ни слова не обронил об Ириехаме. Но мне кажется, что теперь и я нашёл того человека, с кем теперь могу поделиться этой историей.

- Это так мило, Коул. Со мной ещё никто не делился семейными тайнами.

- Нет, Лавьен, не семейными. Это личная тайна, которую я доверяю только тебе. Если ты конечно не хочешь её услышать, то...

- Да, Коул, - перебила меня Лавьен. – Хочу и никогда о ней никому не расскажу, - твёрдо закончила она.

- Я очень рад этому. Тогда слушай. На самом деле я не знаю, что это, сказка или легенда, но никакая из услышанных мною историй не шла в сравнение с этой, с первого же ночи я влюбился в неё и в то же время боялся до слёз. Когда я подросток дедушка привёл сюда и показал колонну, потому что она была единственным памятником сгинувшему Ириехаму, и в тот день я услышал историю этого города в последний раз. - Я вновь посмотрел на колонну и принялся за рассказ:

«Сгинувший Ириехам»

Когда-то давно, среди цветочных полей, был возведен богатейший и благороднейший город Ириехам. Его окружали высокие непреступные стены и охраняли замок, что возвышался в центре величественного города. Замок был украшен золотом и столь огромными драгоценными камнями, что ве-

ликанам было не под силу вырвать из величественных стен, а уж о краже никто из них даже подумать бы не смел. От крыши самой высокой башни замка в небо устремлялся высокий шпиль, получившего известность ориентира, который мог бы оповестить даже самих богов – здесь стоит великий Ириехам. Основали и жили в этом городе поколения влиятельных и благородных господ. Жили они в домах и особняках, не уступавших в красоте самому замку, и каждому жителю разрешалось иметь десять подданных, лично подобранных потомственным правителем города - Герцогом Маргиром, которому был известен передававшийся из поколения в поколение алхимический секрет превращения воды в золото и драгоценные камни. Но помимо тайного родового знания Герцога делало знаменитым присущая ему щедростью, но познать её мог лишь тот, кому сам Маргир разрешал стать жителем Ириехама и присягнуть ему на верность, а такое право могли заслужить лишь самые богатые и влиятельные люди на всё белом свете. Многие мечтали остаться в Ириехаме, но лишь немногим удавалось побывать в городе хотя бы в качестве гостей. Простолюдинам же вовсе воспрещалось пересекать границу города и осквернять Ириехам своим присутствием. Маргир искренне ненавидел простых людей, потому что он считал их разносчиками болезней, скверны и неспособности к достойной жизни.

Герцог настолько ненавидел низкое происхождение, что в первый же день свое правления он издал главный указ:

*Ногам, чьи стопы могут нести лишь грязь, воспрещается
входить в город,*

*а тем заблудшим простолюдинам, которые осмелятся
войти, камнем насмерть преподать урок.*

В день издания указа и каждую последующую ночь в стенах замка проходили пиры, которым могли позавидовать цари, императоры и короли. Счастье в городе было долгим и завидным, но не настолько, чтобы обрадовать Маргира, мечтавшего о бессмертии и вечном правлении. Но однажды, в день рождения самого Герцога, был организован грандиозный праздник. В город съехались толпы гостей, короли и королевьы, графы и графини, аристократы и дворяне, дети и внуки прославленных господ – все, кого хоть как-то коснулась милость Маргира. Веселью не было предела, отовсюду гремели песни, звенели бокалы, вино текло рекой, вода без конца обращалась в сокровища, невообразимые дары преподносили прямо к ногам правителя Ириехама, пока не зазвучал, висевший над главными воротами в город, золотой колокол, чей бой знаменовал непростительное – кто-то осмелился нарушить главный указ Герцога.

- Прошу вас, господа, за мной. Сегодня вы увидите, какое наказание ждёт тех, кто не чтит мои законы.

Шествовали гости за властителем города до площади, пока не остановились ошеломленными настоящим наплева-тельством на закон. К толпе гостей приближался оборванец в чёрных лохмотьях, покрывающих всё его тело, в том числе и

лицо, который надёжно скрывал изорванный капюшон. Открытыми были только его руки и ступни, они были настолько отвратительны, что очевидцы быстро догадались – лохмотья прикрывали прокажённого, таких людей Герцог называл «существами, которые были отвратительнее любого попрошайки».

- Стой, не смей ступать дальше, - грозно приказал Маргир, но бродяга не повиновался.

Герцог рассвирепел, никто и никогда не смел так открыто осквернять землю Ириехама и уж тем более противиться приказа его правителя в присутствии гостей. Объятый гневом Герцог следом закричал:

- Схватить! Схватить этого преступника! Тому, кто привяжет оборванца к каменной колонне обещаю в дар одну из моих наложниц и рубин с голову в придачу.

Никто из гостей не желал отказываться от такого дара, и целая армия господ ринулась на прокажённого. Оборванец не стал сопротивляться и стоически сносил удары тех, кто в хмельном разгуле переступил грань человечности. После истязаний бродягу привязали к колонне, после чего гости начали расступаться перед Герцогом.

- Господа, этот незванный гость пренебрёг моим законом и оскорбил всех нас. Такой дерзости мы не потерпим! Я был терпелив к таким, как это «человеческое существо», но мне пора бы уже преподать суровый урок всем грязным ногам, что когда-либо посмеют ступить в мой город. Ириехам не

место для них! Сегодня я выбираю жестокую кару, и не для улады моих глаз, а для того, чтобы разнести по всему миру беспрекословность моих указов. Я приговариваю оскорбившего Ириехам к смерти через сожжение заживо, с открытым от обносков лицом, чтобы вы воочию увидели страдания не уважившего мои законы куска плотской грязи.

Маргир приказал стоявшему рядом гостю снять с лица преступника капюшон. Это был один из дворян, который гордо выступил из толпы. Грубо сорвав капюшон, он издал истошный крик ужаса и свалился на землю, закрыв лицо руками. Толпа, охваченная чувством отвращения, отпрянула, а Герцог, с выражением неистового гнева, прорычал во всеуслышание:

- Сжечь эту тварь! Сжечь!

В миг были зажжены десятки факелов и брошены в обезображенного болезнью бродягу, но его стойкость была единственным, что не погибло в языках пламени, потому что он не удостоил Маргира даже вскриком от нестерпимой боли. Это немое зрелище ещё сильнее разгневало Герцога. Оттого он захотел, как можно скорее покинуть площадь, чтобы позабыть весь этот унижительный ужас, ведь он впервые встретил того, кто даже перед лицом смерти не испытал страха перед великим Герцогом Маргиром и сделал это на глазах у почтенной публики. Напоследок правитель Ириехама наказал своим придворным:

- Сжечь это чудовище дотла и смешать его прах с грязью

за стенами города. Пусть огонь очистит мой город от принесённой в него нечистоты. Вы же, господа, за мной! Продолжим пир.

Герцог держался перед гостями достойно, но молчаливая смерть бродяги жестоко терзала его изнутри. Герцог настолько погрузился в тяжёлые думы, что даже не слышал пересудов гостей о том, насколько сильно их шокировала казнь и вид изуродованного болезнями бродяги. Так и пировали господа, не обращая внимания на затихшего правителя Ириехама, пока не раздался раскат грома и последовавший за ним шум начавшегося ливня. Казалось сами небеса отчего-то разъярились, потому что следующий удар молнии пришёлся прямо на замок, и он сотрясся. Гости объят сдавливающий страх, а Герцог, сохраняя хладнокровие, приказал всем немедленно покинуть замок. Люди в панике ринулись на улицу, боясь быть похороненными под обломками великого строения. Выйдя во двор Маргир увидел, как в шпиль ударила ещё одна молния, да с такой силой, что земля под ногами содрогнулась, словно от удара мифического великана. Герцог понимал, что замок мог обрушиться в любое мгновение, а его обломки непременно раздавили бы всех близстоящих людей. Тогда правитель Ириехама не нашёл идеи лучше, как приказать гостям вернуться к месту недавней казни, лишь бы быть подальше от будущего драгоценного кургана.

- Все за мной, идём на площадь! – проорал он изо всех сил, дабы перекрыть разъярившиеся небеса и панические

крики.

Толпа двинулась за правителем Ириехама и никто ещё не подозревал, что Герцог вёл всех в «чёрное небытие». Маргир стал первым, кто заметил разодранных в ключья подданных и то, что останки бродяги исчезли. Двигавшаяся позади толпа застыла на месте, и никто не произнёс ни слова, пока внезапно землетрясение не заставило почву под ногами танцевать. Раздался оглушительный раскат грома, да такой сильный, что несколько людей пали замертво от внезапного ужаса. Выжившие тут же воззвали к своим богам и благодарили их за избежание смерти, но молившиеся не ведали, что умершие отделались лёгкой кровью.

- Смотрите! - прокричал потрясённый кошмарным видом Герцог.

Все в Ириехаме узрели, как в небесах разверзлась чёрная бездна, открывшая величественный и грозный лик огромного существа, самого настоящего Бога, далеко не похожего на тех божеств, каким возносили молитвы гости Ириехама.

- Проклинаю вас, недостойные жизни, - пронзительно прозвучал голос божества, заставивший залиться кровью уши слушателей – Я лишаю вас права на смерть и Чёрной Вуали. Станьте бессмертными рабами, какими вы не были сотворены, служите мне, станьте существами, в лике отвратительнее любого попрошайки.

Отчаянные вопли людей потонули в раскатах грома. Карающая длань божества, сомкнулась над городом и унесла

Ириехам со всеми жителями в чёрное небытие, где не были властны ни боги, ни сама Смерть. Голоса страдающих не стихали, но в миг, когда чёрная бездна закрылась, наступила гробовая тишина. Вскоре тучи расступились и солнце озарило широкий и выжженный пустырь. От великого города осталась лишь каменная колонна, которая пылала огнём не одну ночь. Она стала надгробием Ириехама и служила напоминанием о каре для тех, кто посмел бы взять на себя роль вершителя чужих судеб и оскорбить того, кто не терпел равенства с божественным – великого и рождённого в крике зарождения мира Бога всех бродяг и чёрной бездны, отца мироздания, древнейшего короля в чёрных лохмотьях. И носил этот чёрный король первое имя из всех имён - Делилакьен.

- Конец. - Я повернулся к Лавьен и увидел печаль на её лице. Неужели её так впечатлила сказка об Ириехаме? - Лавьен, что с тобой?

- Ничего, правда ничего. - Не поворачиваясь ответила она. - Просто... ты так хорошо рассказываешь, очень жуткая сказка. Чем она тебе понравилась?

Знала бы Лавьен, сколько раз я пытался ответить себе на этот вопрос. Вот только сейчас вопрос был совсем не уместным, потому что настоящая сказка умерла вместе с моим дедом и в моей памяти осталась лишь её невыразительная тень. Моё же толкование истории было лишено многого и прежде всего её первоначальной литературной красоты. Скорее все-

го в моей памяти сохранилось лишь то, что так сильно поразило меня в детстве.

- Ну, она напоминает мне о том, что мы всего лишь люди, каким был и сам Герцог, но он желал уподобиться богу, сам наделил себя правом карать людей неблагородного происхождения, а потому и поплатился за свои деяния. Мне кажется, он заслужил кару Делилакьена из чёрной бездны, и я никогда бы не хотел оказаться на месте Маргира.

- Я тоже так подумала. Жуткая, но поучительная сказка.

Мне показалось, что Лавьен была чем-то обеспокоена, уж очень грустный у неё был тон.

- Я тебя чем-то расстроил? Почему ты не смотришь на меня? - Лавьен наконец повернулась, она почти плакала. - Что случилось? Я тебя чем-то обидел?

- Нет, нет, что ты. Просто... так не хочется уезжать.

Какое же облегчение я испытал после этих слов. Это были не беспокойство или обида, это горечь расставания. Знала бы Лавьен, насколько я разделял её чувства.

- Всего неделя, это ненадолго.

- Да, всего неделя... - почти шёпотом сказала Лавьен.

- Не расстраивайся. Лучше скажи, что мне сделать, чтобы ты почувствовала себя счастливой?

Лавьен накрыла своей нежной ладонью мою руку и ответила:

- Давай послушаем журчание воды, оно меня успокаивает.

Лавьен закрыла глаза и принялась слушать песню Карнэ,

а я был счастлив наблюдать её такой. Сегодня сошлось многое; моё излюбленное место, полюбившаяся сказка и девушка, ответившая на мои чувства. Теперь я мечтал только об одном – хочу, чтобы время закрутилось в бесконечную петлю, дабы я мог раз за разом переживать этот кусочек жизни.

Я не знаю, сколько мы так простояли на мосту, и наверняка со стороны точно выглядели глупо, но мне было наплевать. Вскоре Лавьен попросила поделиться другими сказками из моего детства, но наше единение прервали.

- Мисс Нотиннес, – послышался голос кучера, остановившегося по другую сторону моста.

- Мне пора возвращаться, - с печалью в голосе сказала Лавьен.

- Я провожу.

Мы дошли до дилижанса, и я, как присуще джентльмену, открыл дверцу и помог Лавьен.

- До встречи, мисс Лавьен Нотиннес. Через неделю мы встретимся снова.

- Через неделю... Прощайте, Коул Мастерсон, этот день я не забуду никогда.

Лавьен выглянула из дилижанса, посмотрела в сторону кучера, который скрылся из виду, а затем совершила неожиданное - нежно поцеловала меня в щёку. Я приложил руку к щеке, не веря своему счастью, теперь я был уверен, она влюбилась в меня. Но счастье было недолгим, потому что Лавьен, закрыв за собой дверь дилижанса, заплакала, но всё

равно продолжала улыбаться мне через дверное оконце. Эта улыбка ранила меня в самое сердце. Было больно наблюдать за тем, как скорый и вынужденный отъезд настолько довлел над моей возлюбленной. Но деваться было некуда, мы все ещё были под крыльями наших родителей и не стоило ждать нам свободы, по крайней мере пока.

Проводив удалявшийся экипаж взглядом, я остался один на один с гнетущим чувством одиночества. Образ плакавшей Лавьен не давал мне покоя, и я клятвенно пообещал себе при следующей встрече сделать ей достойный подарок.

Я медленно побрел домой и по дороге мой разум захватила мысль о подарке, только в голову ничего толкового не приходило, лишь одни банальности, лишённые особенности. Всё это было недостойно моей любви.

Взойдя на мост и дойдя до его середины, я посмотрел в сторону цветочного поля, потом в сторону колонны и в этот миг мой взгляд встретился со отражённым от могильного памятника Ириехама столь ярким лучом солнца, что в моих глазах тут же расцвела жгучая боль. В состоянии слепоты я приложил пальцы к обожжённым глазам и, развернувшись, запнулся о выступ и полетел лицом вниз, хорошенько ударившись головой о борт моста.

Пока я был в полубессознательном состоянии, мне казалось, что сама земля обрушилась на меня, в голове воцарился бардак, а глазах плыло, я почти не понимал, что со мной произошло, но мне каким-то чудом удавалось оставаться в

сознании. Кто-то поспешил мне на помощь, поднял и усадил, и я почувствовал, как чья-то рука залезла в карман моего пиджака. Мне не удавалось разобрать слов, уши наполнял неприятный звон, но постепенно я начал приходить в себя. Внезапно я ощутил сначала холод, а затем жжение прямо над виском, мне приложили на рану что-то мокрое. Не знаю сколько прошло времени, но помутнение в глазах и звон в ушах постепенно ушли. Наконец, я увидел столпившихся вокруг меня людей, каждый спрашивал, как я себя чувствую, но я ещё не совсем пришёл в себя, поэтому попросил помочь мне подняться.

Меня подхватили две пары мужских рук, и вот я оказался на ногах. Какая-то женщина не отходила от меня и продолжала прижимать что-то к ране на моей голове.

- Как вы себя чувствуете? - спросил стоящий передо мной мужчина с пышными усами.

Я приложил руку к голове, нечаянно коснувшись женской руки.

- Прижмите сильнее, - прозвучал женский голос.

Я не последовал совету и убрал руку от раны, в ней оказался зажат платок Лавьен, теперь уже не белый, а запачканный кровью, алый рисунок которой стремительно расцветал на мокрой ткани.

Через несколько минут я окончательно пришёл в себя. Внезапность случившегося потрясла меня больше, чем сам удар, да и крови было не так много, как показалось на первый

взгляд, но всё тот же мужчина с усами наклонился и осмотрел место удара.

- Шишка будет, но рана не серьёзная, просто ссадина. Вам несказанно повезло. Как же вы так умудрились? Следует обработать рану, я могу проводить вас к доктору?

- Нет-нет, со мной всё в порядке, благодарю!

Толпа вокруг меня начала расходиться, последним ушёл позаботившийся обо мне джентльмен, пожелав напоследок удачи. Было приятно осознавать, что в нашем городе люди всё ещё беспокоятся друг о друге, будто бы помня о трагическом конце Ириехама и его жителей.

До дома мне пришлось идти пешком. Ни кучера, ни Эдду я не предупреждал, когда закончится прогулка. Тем лучше, никто не будет понапрасну волноваться, да и Эдде будет спокойнее. Но с другой стороны, не потерять бы сознание по дороге, голова всё ещё немного кружилась и порой становилось дурно.

По пути домой я принялся приводить себя в порядок; поправил волосы так, чтобы прикрыть ссадину, оглядел и отряхнул костюм, который, к счастью, не сильно пострадал; думал в какой карман спрятать окровавленный платок, чтобы попытаться отстирать его позже, но он был всё ещё влажный, а потому я решил нести его в руке до самого дома.

Когда я закончил заниматься внешнем видом, мою голову заняла одна мысль: «как же повезло, что Лавьен не увидела моего нелепого падения». Её и без того беспокоил недель-

ный отъезд, а происшествием я мог лишь добавить ей переживаний. Ничего, упал и упал, с кем не бывает, надо бы отвлечься и пораскинуть мозгами над подарком для Лавьен. Так я и дошёл до поместья Мастерсонов без единой достойной идеи. Когда до главного входа оставалось несколько шагов, я спрятал подсохший платок в карман брюк.

Хотелось есть, но не стоило попадаться на глаза Эдде, она непременно заметила бы шишку и тогда точно начала бы сыпать вопросами и надоедать излишней заботой. Прислушавшись, я понял, как мне повезло. На кухне гремела посуда, значит помощницы Эдды за работой, а саму экономку не было слышно. Скорее всего она ушла на рынок.

Я тихонько прошёл до лестницы, стараясь двигаться как можно тише, осторожно преодолел скрипучие ступени и прокрался в свою комнату. Первым делом я спрятал платок в ящик стола, затем переоделся и сложил костюм на кресло, поближе к двери, чтобы у Эдды не было лишнего повода проходить вглубь комнаты. Войдя в ванную я со всей аккуратностью промыл рану. Шишка уже надулась и отзывалась болью на малейшее прикосновение, но благо она была еле заметна. В любом случае, я был благодарен судьбе за всё ещё целый череп. Осторожно причесавшись, я вернулся в комнату и лёг на кровать. Лёгкая головная боль донимала и раздражала, но жаловаться о ней я никому не намеревался.

В доме до сих пор было тихо, а значит, Эдда ещё не пришла. Я старался отвлечь себя размышлениями о подарке, но

чем больше напрягал голову мыслями, тем сильнее сдавливало виски. Мне пришлось отбросить размышления, чтобы попытаться расслабиться и немного подремать. И мне это удалось.

Я очнулся посреди ночи, весь в поту. Мне снова привиделся сон о падении в бесцветном мире, но я почти ничего из него не запомнил, только концовку, в этот раз я упал не с неба, а повторил своё вчерашнее фееричное падение на мосту, и приземлился прямо у ног уже лишённой красок Лавьен.

В ту ночь меня обдувал влетающий через окно прохладный ветерок, а в доме правила полная тишина. Головная боль почти прошла, но куда приятнее оказалось ощущение снизошедшего на меня озарения «бесцветного мира». Повернув голову к окну, я увидел, как на фоне чёрного неба пролетела падающая звезда, в моём представлении она явила собой одобрителный знак от высших сил. Новорожденная идея подарка была потрясающая, потому в ней соединялись, как и любимое мне место, так и прекраснейший образ Лавьен. Теперь оставалось воплотить эту воображаемую красоту в жизнь. Я продолжал прокручивать в голове вид готового подарка и сделал это, наверное, с сотню раз, пока вновь не уснул. К моему благу, в этот раз обошлось без кошмаров.

Проснувшись, я сразу же проверил шишку, почти не за-

метна, но всё ещё отдавалась болью на прикосновение. Теперь я не сильно переживал о том, что её вдруг заметит Эдда, потому что я бы спокойно ей ответил: был неосторожен и ударился о дверь. Пока я приводил себя в порядок, ненадолго заметил пустое кресло. Скорее всего Эдда заглянула ко мне рано утром и забрала костюм на чистку. Хорошо, что додумался отряхнуться по дороге домой, иначе бы домоправительница не оставила бы меня в покое, пока не узнала где я умудрился так испачкаться.

Когда я подготовился к новому дню, то вспомнил, что нужно было сделать ещё пару важных вещей. Отправившись завтракать, я старался выискать Эдду, у меня была для неё новость о пустом желудке и одно поручение.

- Эдда!

Она вышла из кухни и сразу же кинула вопрос:

- Как погуляли, юный сэр?

- Прекрасно, Эдда, просто прекрасно, - ответил я торопливо, стараясь быстрее перейти к важному. - Эдда, во-первых, я голоден, угостите меня своими вкусностями. Во-вторых, отправьте сегодня Альберта к Монро, пусть купит мне мольберт, холст размером с отцовский портрет в его кабинете, палитру, кисти, желательно разных размеров и плотности ворса, уголь для набросков, скипидар и набор масляных красок в стеклянных банках. Передайте Альберту, чтобы он ни в коем случае не соглашался покупать краску в бычьих пузырях, а то я знаю Монро, он точно попробует про-

дать несколько. Запомнили?

- Вот это вы натараторили, сэр. Сперва садитесь, - она указала на стул, обернулась в сторону кухни и крикнула, - завтрак мистеру Мастерсону! – Повернувшись обратно ко мне, она продолжила: – Погодите-ка, у нас же на чердаке был мольберт. Ну да, точно был. Там, наверное, и палитру можно найти, но я не уверена.

- Откуда у нас взялся мольберт? Я впервые слышу, чтобы кто-то в этом доме рисовал.

Эдда махнула рукой.

- Да это, если мне не изменяет память, вашему деду подарили. Точно! Какой-то важный художник, некий мистер Уайльд... или Бальд... ай, не помню. Кто ж знал, что мольберт пригодится? А вот была ли палитра? Ей богу, не помню.

- Надо будет проверить. Тогда передай Альберту, чтобы мольберт перенесли в мою комнату и поставили рядом со столом. Затем сразу же отправь его к Монро. Пусть всё же купит палитру, даже если найдётся старая, лишней точно не будет. Нужно управиться до обеда. Вы всё запомнили?

- Мольберт в комнате у стола, большой холст, кисти всякие-разные, масляные краски только в банка, не в бычьих пузырях, до обеда, да, я всё запомнила. Память у вашей старушки Эдды ещё крепкая.

- Да какая же вы старушка? Вам до старушки ещё далеко. Эдда смутилась и потрепала меня по голове.

- Какой же вы...

- Ай, - вскрикнул я, отдёргнув голову.

Эдда взволнованно посмотрела на меня и подошла ближе.

- Что это? Ох, где вы такую шишку набили?

- Ничего серьёзного, случайно стукнулся о дверь.

- Какой же вы... сэр, неосторожный. Может позвать доктора?

- Нет, не надо. Я бы поел и занялся делами.

Эдда раздосадованно ахнула и побежала на кухню, повторяя:

- Они там даже не пошевеливаются, я им сейчас устрою, ох устрою!

Вскоре я вкусно поел. Эдда быстренько раздала поручения прислуге, в том числе Альберту, и вернулась ко мне, чтобы осыпать новыми вопросами:

«Как погуляли? Вы были вежливы с юной леди? Как же вы так стукнулись? Небось опять ходили в потёмках? Зачем вам мольберт? Что вы хотите нарисовать? Это для юной мисс?».

Вопросов было слишком много, и я почувствовал, как головная боль постепенно начала возвращаться. На некоторые вопросы я дал сухие ответы, а вот по поводу рождения тяги к живописи ответил искренне.

- Эдда, я хочу подготовить сюрприз для Лавьен. Она уехала на неделю вместе с матерью, хочу успеть к её приезду. Думаешь, ей понравится такой подарок?

- Смотря, что будете рисовать. Вы, когда были маленьким, часто рисовали, и у вас хорошо получалось. Странно, что вы

потеряли к этому интерес. Вы же не задумали изобразить что-то недостойное вашей фамилии?

- Конечно нет, и в мыслях такого не было.

Я понимал, что на самом деле имела в виду Эдда. Она знала, я был из тех, кто чересчур пользовался наивностью девушек, но всё это было до появления в моей жизни Лавьен, и поэтому винить Эдду за её вопрос я никак не мог.

- Как же я рада слышать от вас такие слова. Сэр, а что же вы всё-таки хотите нарисовать?

Я пока имел лишь расплывчатое представление о картине. Конечно, мост над Карнэ был идеальным местом, чтобы увековечить его на полотне, но ещё мне требовалось передать через рисунок не только лишь тягу к этому месту, но и свои чувства к Лавьен. Для этого я планировал вернуться на мост и отыскать там вдохновение.

- Пусть это будет сюрприз для всех.

- Хорошо, – с досадой ответила Эдда.

- Обещаю, когда картина будет готова, моя Эдда увидит её первой.

- Какой же вы, учтивый, юный сэр. Буду ждать с нетерпением. Пойду я, надо ещё ваш костюм вычистить. Свежий уже висит в гардеробной.

- Спасибо, Эдда!

Через три часа я уже подходил к мосту. Головная боль все ещё напоминала о себе и оказалась весьма не кстати, особенно в моменты поиска вдохновения. Я постарался отвлечься и

решил подыскать хороший вид на мост, поэтому сошёл с каменной дорожки, чтобы обойти и рассмотреть любимое место со стороны. Пришлось по несколько раз ходить взад-вперёд, продвигаясь при этом правее от моста, но найти нужный ракурс оказалось не так просто. Я уже практически дошёл до берега реки, как вдруг остановился, потому что открывшийся передо мною пейзаж наконец-то привлёк мой требовательный взгляд.

Казалось, из-за моста поднималась цветочная волна, а над ней высились зелёные холмы, дополнявшие и без того красочный пейзаж, но так картина получалась неполной – не было видно Карнэ и колонны Ириехама. Я поднялся повыше, чтобы река попала на пейзаж и украсила его игрой света и красок. Но как ни крути, в центре пейзажа должен быть мост, на котором мы с Лавьен впервые остались вдвоём и положили начало нашей совместной любовной истории.

Внезапно мне представилась грубая каменная кладка моста в нижней части холста. Вот оно, точно! Я поспешил к мосту и, добравшись до его середины, старался найти ту самую точку, откуда был виден кусочек подходящего для картины сказочного мира, что грезился мне. Нет, слишком далеко. Ближе. Всё равно не годится. Подойдя к парапету и присев, мне наконец-то удалось найти идеальный пейзаж для картины.

Шаг назад, шаг в сторону - уже не то. Вернулся на место, вновь присел и присмотрелся – всё-таки это лучшее место.

Здесь наши с Лавьен руки соприкоснулись и наши души объединились, мы согрели друг друга теплом заботы и любви, это ли не лучшее, что я мог бы изобразить на картине? Теперь я чётко видел в воображении нижнюю часть будущего рисунка, каменный парапет моста и две ладони на нём, моя и Лавьен, в центре я вообразил стоявшую посреди цветочных полей и тянувшуюся к небесам колонну Ириехама. Да, в фантазии картина представлялась мне настоящим произведением чувственного искусства.

Осмотревшись, я задумался о том, какое время дня подошло бы пейзажу больше всего? Конечно, мы встречались в солнечный день, но Лавьен ещё не была здесь в вечерние часы, поэтому она не могла видеть, как огненно-красный закат плавно перетекает в тёмно-синие цвета ночи. Ну конечно! Будет лучше, если я изображу этот природный перелив прямо на картине; слева солнечный и насыщенный красками день, в центре закатный переход из ярких красного и оранжевого оттенков, на фоне которых бы оказался верх ириехамской колонны, и справа царство ночи со звёздным небосводом и луной, чей блеск серебрил бы цветочные поля и воды Карнэ. Да, именно так я и сделаю!

Рисовка цветочных полей не составила бы проблем, впрочем, как и Карнэ, я помнил их в малейших деталях, но всё же стоило осмотреть будущий пейзаж ещё раз, чтобы точно не упустить ни единой детали. Я упёрся руками о парапет и устремил взор на пылавшие красками цветы, затем я перевёл

взгляд вниз, на воду, и сразу же об этом пожалел. Блеснувший в потоке воды свет скользнул по глазам, заставив меня зажмуриться. Отвернувшись, я принялся тереть глаза руками, в попытке поскорее унять неприятное жгучее ощущение в них, но то было лишь мелочью, по сравнению с вернувшейся головной болью. Виски напряглись так, словно их сдавило тисками, из-за чего во мне проснулось раздражение, даже злоба. Я был готов браниться на всех и вся, настолько сильно меня выбила из колеи вернувшаяся головная боль. Мне срочно нужно было чем-то себя занять, отвлечься от надоедливых мук, я не мог поддаться слабости и упустить для своего подарка любую мелочь, что могла бы сделать пейзаж ещё прекрасней. Взяв себя в руки, я попытался игнорировать боль, обращая внимание на игру красок цветочного поля и лазурного неба с белейшими и пышными облаками. Не помогло! Боль все ещё терзала виски. Я побрёл по мосту, желая поскорей добраться до берега и на всякий случай взглянуть на пейзаж под другим углом. Пока шёл, совсем растерял всё внимание, и, как оказалось, в самый неподходящий момент.

Сделав ещё несколько шагов, я дёрнулся от испуга. На долю секунды мне показалось, будто бы на меня кинулось нечто грязное и отвратительное, самое настоящее противоясственное миру нечто, которое схватило моё запястье. Резко обернувшись, я увидел бездомного, укутанного в грязные чёрные обноски. Мне сделалось дурно, вид этого человека, перепугавшего меня до полусмерти, был крайне омер-

зителен.

Я попытался отдернуть руку, но хватка бродяги оказалась крепка, как и те воображаемые тиски, сдавливавшие мои виски. Его прикосновение вызвало у меня отвращение и злость, гнев захлестнул меня, ещё чуть-чуть и я готов был кинуться на него с кулаками.

- Отпусти меня! - выкрикнул я, но его хватка не ослабевала. – Отпусти, предупреждаю! - Никакой реакции. Раздражение, вызванное головной болью, гнев и отвращение к грязному бродяге, смевшему прикоснуться ко мне, переполнили чашу терпения, и я сжал руку в кулак, чтобы нанести незнакомцу хлёсткий удар. – Будь ты проклят, отпусти меня!

Удар пришёлся в лицо оборванца и отозвался булькающим отзвуком, а следом - острой болью в запястье. Мне удалось вырваться из невероятно крепкой хватки, но сказать, что я был спасен, не мог. От удара капюшон бродяги задрался, и я увидел часть ужасного лица. Открывшийся вид вселил в меня ужас, увиденное трудно было назвать лицом - гнилые и тёмно-серые складки заменяли бродяге подбородок, а выше, прямо над распухшими и иссечёнными шрамами губами зияла дыра чёрного провала, оставшаяся от выеденного какой-то заразой носа. Мне стало совсем неважно, настолько отвратительным был вид гниющей, но ещё живой, страшно изуродованной плоти. Отныне чернота разложения навсегда осталась в моей памяти печатью кошмара, болезни и омерзения.

Пока я пребывал в смятении, это живое воплощение человеческой нечестивости вновь потянуло ко мне свою гниющую руку. Резко отмахнувшись от неё, я ощутил на своей коже остатки чего-то мокрого, вязкого.

- Не тронь меня, выродок! – Во мне вскипела ярость, я хотел было накинуться и забить этого прокажённого до смерти, но сдержался, лишь крикнув, - будь ты проклят!

Я побежал домой со всех ног. Головная боль ударяла в виски как молот по наковальне, меня тошнило, а перед глазами всё плыло, настолько моё тело и душу потрясла встреча с человеком, похожим на ходячий и перегнивший труп. Пока я бежал по улицам среди домов, прохожих и будто мелькавшего среди них, преследовавшего меня безобразного незнакомца, в моей голове навязчиво закрутилась мысль:

«Никакого чёрного! На картине не будет чёрного! Ничего чёрного!»

Мне пришлось перейти с бега на шаг; лёгкие горели, в горле пересохло, да и в боку нестерпимо кололо. Казалось, меня прямо сейчас вывернет собственными внутренностями. Взглянув на руку, я почувствовал себя ещё дурнее, следы чего-то отвратительно-серого на запястье, оставленные прикосновением бродяги, смешались с потом. Гадость! Рукавом пиджака я вытер оскверняющие тело пятна. Нужно будет сказать Эдде, чтобы сожгла вещи, их теперь нельзя было носить.

Сейчас мой внешний вид уж точно был далёк от пристой-

ного; я весь вымок от пота, голова гудит, руки трясутся, а живот сводит в приступе тошноты - со стороны я выглядел самым что ни на есть безумцем. Пиджак был окончательно испорчен, поэтому, я снял его, вытер о подкладку руки и лоб, но выбрасывать не стал. Его следовало предать огню, никак иначе, потому что только так можно было уничтожить заразу, обосновавшуюся в теле гниющего заживо бродяги. Поправив мокрые от пота волосы и окончательно отдышавшись, я побрёл домой, осквернённый чёрным цветом. Благо сегодняшний день хотя бы не пропал зря, в этой схватке с болью и чувством отвращения я всё же вышел из схватки победителем и получил заслуженный трофей – идеальный образ подарка для моей Лавьен.

По возвращению домой, я не хотел никому лгать о случившемся, но и посвящать прислугу во все подробности сегодняшней беды уж точно не стоило.

- Эдда!

Домоправительница появилась из коридора и ахнула, увидев меня.

- Что с вами приключилось?

- Бездомный пристал, пришлось убегать.

- Боже, он хотел вас ограбить?

- Скорее всего, но у него не получилось. Эдда, у меня дико болит голова, принеси мне какое-нибудь лекарство и воды.

- Господи! Хорошо, что с вами ничего страшного не приключилось, сейчас же все сделаю.

- Стой, это ещё не всё. Как я переоденусь, заberi одежду и сожги её, подальше от дома. Ты меня поняла?

- Да, сэр. Погодите немного, сейчас я принесу вам лекарства и свежую одежду.

Вскоре я стоял в своей комнате, наблюдая, как Эдда с прислугой таскают ведра воды в ванную комнату. Эдда дала мне какой-то порошок и стакан воды. Я сразу же выпил лекарство и боль вскоре начала утихать. Осталось лишь принять ванну и смыть с себя всё, что могло остаться на моей коже от жуткого бродяги.

- Эдда, вернись через десять минут и заberi костюм. Надень что-нибудь на руки, поняла?

- Да, сэр.

- И прикажи подать в столовую сытный ужин, после ванны я хочу поесть и отдохнуть.

- Да, сэр. Кстати, ваши просьбы выполнены.

- Ты о чём, Эдда?

Домоправительница кивнула в сторону стола. Как я мог не заметить? В углу комнаты по левую сторону от меня стоял мольберт, на вид не новый, однако без намёка на пыль. На нём уже был установлен холст нужных размеров. Рядом с мольбертом был приспособлен круглый кофейный столик, это точно была идея Эдды. Я вообще планировал держать инструменты на письменном столе, но отдельное рабочее место было куда лучше. На столике лежал комплект кистей, две палитры, одна явно старая, а другая совершенно новая, два

стакана с водой и скипидаром, тряпка, и завершал рабочую обстановку вид десятков баночек с красками. Мне стало не по себе, когда я увидел банку с отвратительным чёрным цветом. Он был немногим темнее угля для рисования, что лежал рядом с палитрами, но в нём отчётливо сконцентрировалось нечто гнилое и отвратительное.

«Не бывать этому цвету на моей картине!»

- Альберт сказал, что Монро пытался ему продать краску в тубиках. Эдакое произведение промышленной революции в мире искусства, но он их не купил. Ведь я строго-настрого запре...

Я заставил Эдду замолчать в испуге, когда схватил банку с чёрной краской и чуть не швырнул её в стену, но вовремя одумался. Представив, насколько сильно этот поступок мог перепугать Эдду и как трудно прислуге будет смывать краску, я поставил банку на кофейный столик около угля для рисования.

- Эдда, унеси это и это, лучше на чердак. Может, кому и пригодиться, но мне нет.

- Хорошо, сэр, - трясущимся голосом ответила экономка.

Лицо Эдды выражало непонимание причин моего странного поступка и такой же просьбы, но подробности её не касались. Художник решает, зритель принимает - иного отношения к работе я не мог признать. Эдда выполнила моё поручение и вышла из комнаты, а я разделся и отправился в ванную.

Я мылся тщательно; яростно тёр тело мылом и обливался терпимо-горячей водой, не оставляя заразе ни единого шанса на выживание. Местами я перестарался, кожу жгло, но оно того стоило. Когда я закончил, причесался и вышел в комнату. Головная боль совсем ушла, отчего я ощущал себя хорошо. Я открыл окно, чтобы проветрить комнату и заметил на кресле домашнюю одежду, принесённую Эддой. Какая же всё-таки она у меня тактичная и предусмотрительная. Одевшись в домашнее, я хотел было выйти из комнаты, но задержался перед холстом. Взглянув в него, я понял насколько же мне не доставало опыта в искусстве, раз я отправил Эдду к Монро за готовым холстом.

Я не особо помнил, как в детстве мистер Монро учил меня готовить холст к рисованию, но даже если бы и помнил, то что бы изменилось? В любом случае у меня не было даже одного дня на подготовку, что уж говорить о нескольких. Да и зачем мне было утруждаться этим муторным занятием, уж лучше Монро с этим всё равно бы никто не справился, а в его холстах прослеживалась рука мастера. Льняная ткань уже была прогрунтована и готова к нанесению красок, а большего мне и не нужно.

Чистая белизна холста пленила меня. Не хотелось пятнать такую светлую частицу сегодняшнего дня, но мне показалось, что сейчас настало лучшее время, чтобы положить начало картине и наполнить холст цветом.

Раз я решил рисовать без угля, придётся воспользоваться

чем-то другим. Я взял со стола карандаш и поставил на холсте точку, ставшую центром будущего пейзажа. По-хорошему нужно было заняться наброском, но у меня не было на это ни времени, ни желания. Да и к тому же нужный набросок чётко отпечатался у меня в голове, поэтому было бы лучше отдаться творческому порыву. Взяв палитру, я добавил на неё красную и жёлтую краски, и начал смешивать их до получения нужного мне огненного оттенка. И вот, на верхне-центральной части холста я наложил первые мазки закатного неба и вскоре с головой отдался созидательному процессу. Это конечно было странно, но мне показалось, что моя рука рисовала быстрее, чем я успевал вообразить пейзаж, как будто я наблюдал рождение картины не в первый раз, а моя конечность служила лишь инструментом для её проявления. Вот, на что были способны творчество и любовь.

Я рисовал до самого вечера, даже не заметил, как мгновенно пролетело время. От работы меня оторвала Эдда, объявив, что стынет уже не обед, а ужин. Перед уборкой рабочего места, я попросил экономку отпустить прислугу, а уже в столовой пригласил её за стол. Эдда ела со мной на равных, что, конечно же, случалось не в первой, но в этот раз своим приглашением я хотел отблагодарить её за заботу и хорошую придумку с кофейным столиком, оказавшимся незаменимым удобством в моей работе.

- Давненько я так вкусно не ел.

Эдда смутилась.

- Да обычная еда, ну как... моя обычная еда. На вашем аппетите, наверное, сказалось сегодняшнее потрясение. Может вам всё же следует куда-нибудь заявить? Ваш отец точно не обрадуется, узнав, что в городе бродяги нападают на людей.

- Не стоит, он же меня не ограбил и не попытался убить. Да и всё равно он слонялся у реки, вряд ли он потащится вглубь города, здесь-то его точно арестуют. – Как бы я сам ни пытался себя успокоить, мне была противна мысль о том, что изуродованный оборванец всё ещё мог обитать где-то поблизости. Но предчувствие подсказывало мне, что надолго он в моих краях не задержался, слишком уж примечательная у него была внешность, а значит местный люд или представители закона непременно выгонят его отсюда, если уже этого не сделали.

- Кстати, о вашем отце, погодите немного. – Эдда встала и пошла на кухню. Я слышал, как она спустилась в подвал, а затем с чем-то возилась на кухне. Вернулась она с полным кувшином вина и любезно наполнила бокал. – Созрело. Это к приезду вашего отца, не считите за дерзость, но вам нужнее. Пусть ваш отец и не разрешает вам притрагиваться к вину, но я никому не расскажу, в подвале всё равно ещё три полных бочонка, не убудет.

- А что же ты ему скажешь про четвёртый?

- Скажу, что прокисло, или бочонок лопнул. Юный сэр, не беспокойтесь, уж за один бочонок ваш отец меня не накажет.

- Ты так из-за меня рискуешь, а стоит ли оно того?

- Да, я думаю, стоит.

- Спасибо, моя дорогая Эдда. С этим мой сон точно будет крепок. И себе налей, это мой ответный подарок.

Эдда опешила. В доме Мастерсонов прислуге воспрещалось пить, в противном случае отец мог выставить пьющего работника на улицу, не заплатив ни монеты. Я понимал Эдду, она невольно насторожилась, потому что в этом доме её никогда не приглашали выпить вместе с хозяевами имения.

- Но как же? Я...

- Я разрешаю, я тоже никому и ничего не расскажу. Как я могу предать мою Эдду?

- Ну если только один бокальчик, не больше.

- Хорошо, только бокальчик.

Мы продолжили ужин и выпили вина, приятно разнообразившего приготовленную Эддой еду, и всего через несколько глотков я расслабился, а в голове возник лёгкий дурман. Поначалу мы говорили о домашнем хозяйстве и работе слуг, но когда Эдда захмелела и стала ещё более словоохотливей, чем обычно, мы резко перешли к интересной ей теме:

- Вы же не забыли, через три недели возвращается ваш отец. Вы успеете к тому времени нарисовать картину?

- Мне нужно успеть к возвращению Лавьен. Будет приятно увидеть лицо отца, когда мы навестим Нотиннесов, а Лавьен похвастается моим подарком.

- Я бы тоже хотела это увидеть, но мне приятней смотреть

на вас. Любовь так благоприятно на вас влияет, она сделала вас внимательным, а ваши глаза, ну прямо горят. Я так надеюсь, что у вас всё получится. А куда уехали Нотиннесы?

- Куда именно? Не знаю. Ты же понимаешь, дел у них найдётся.

- Ай, я в этом всё равно ничего не понимаю. Лучше расскажите, как поживает ваша будущая картина? Уже придумали, что будете рисовать?

- Придумал, но я бы не хотел называть свой подарок просто картиной. Всё, что предназначено для художника в моей комнате - это всё лишь инструменты; холст – это лист бумаги, краски - слова, а кисти - мои чувства, и всем этим я выражу свою любовь к Лавьен. Ох, Эдда, знала бы ты, как мне не терпится поскорее преподнести этот дар моей возлюбленной.

- Я знаю, вы завоюете сердце мисс Лавьен, кто ж как не Коул Мастерсон достоин заполучить столь прекрасное и юное создание? Теперь... - Эдда икнула, и это выглядело презабавно, - позвольте мне отправиться спать.

- Конечно, спокойной ночи, Эдда. Или тебя проводить?

- Нет-нет, я сама дойду. – Эдда подошла ко мне и поцеловала в лоб. – Спокойной вам ночи, юный сэр.

В столовой я не задержался. Прикончив ужин и остатки вина, я пошёл в свою комнату. Завтрашний день я хотел полностью посвятить рисованию, поэтому мне нужно было выспаться. Войдя в комнату, я увидел заливший её чудный лун-

ный свет, зрелище конечно красивое и эффектное, но долго наслаждаться им я к сожалению, не мог, уж сильно хотелось спать. Сделав несколько шагов к кровати, я остановился рядом с кофейным столиком. Всем своим нутром я почувствовал присутствие в комнате нечто странного и отталкивающего, и тут я невольно бросил взгляд на холст. Лунный свет падал на картину и преображал её, особенно оттенки зелёного, и весь тот смысл, который я вложил в краски, будто и не существовал вовсе. Теперь я воспринимал зелёный цвет как змея искусителя, а моё воображение само дорисовало картину – в ней этот самый извивающийся змей заменил собой воды Карнэ, а его хищные глаза сверкали между цветами на поле, прямо над местом, где я хотел расположить верхушку колонны Ириехама. Он будто навис прямо над нашими с Лавьен ладоням, чтобы вскоре укусить, обжечь своим ядом, склонить к греху, чтобы погубить нас. Отвратительно! Нет, это всё вино, это оно затуманило мою голову.

Я отвернулся, чтобы больше не видеть искажённые пятна. Не поддаваясь желанию закрасить отвратительный зелёный, я рухнул на кровать, и уставился в стену. Теперь даже лунный свет мне опротивел. Это всё ночь, время, когда чёрный одерживал верх над миром и накрывал своей тёмной вуалью живописность красок солнечного дня. Я закрыл глаза и теперь мне виделся сплошной чёрный цвет, но он был человеческим, оберегавшим меня от потустороннего чёрного цвета. Однако, как бы я ни старался отогнать плохие мысли,

меня всё равно одолевал страх, я боялся, что нечто пересечёт границу «моего чёрного цвета» и настигнет меня в самый неожиданный момент. Нет, у меня не получалось... мне срочно нужно было выгнать из головы этот воображаемый кошмар и забыться сном, и вскоре я нашёл спасение в лице Лавьен. Память об её ангельских чертах освятила мою фантазию и помогла мне справиться со страхом и подступавшей паникой. Теперь мои мысли были посвящены только Лавьен, да настолько, что вскоре я крепко заснул.

Я снова оказался в контурном мире. В этот раз я не искал Лавьен по округе, а против воли смотрел в небо, на отвратительное зелёное облако, похожее на застывшее плесневое пятно. Его вид пробуждал во мне гнев, и я всей душой возжелал уничтожить омерзительный зелёный цвет. Мою просьбу словно услышали некие сновидческие высшие силы, мои ноги оторвались от земли и вот я уже летел прямо к пятну. Я не испытывал страха, наоборот, во мне бушевал гнев вперемешку с порывом мужества, и, когда мне наконец удалось дотянуться до облака, я схватил его и разорвал на части. Чувства, которые я при этом испытывал были великолепны. Когда от пятна ничего не осталось, я осмотрел округу и увидел внизу Лавьен. От гнева не осталось и следа, и теперь я полетел прямо к ней, к пылавшему красками ангелу.

Утром я чувствовал себя как нельзя лучше. Встав с посте-

ли, я подошёл к картине и увидел «свой» насыщенный зелёный цвет. Перед тем как умыться, я вскрыл банки с фиолетовой и красной красками, и изобразил несколько трепетавших на ветру цветков – получилось лучше, чем я ожидал, мне даже почудилось, что я смог услышать их аромат. Всё же Эдда была права, странно, что я потерял интерес к живописи. Это занятие раскрывало во мне нечто несвойственное человеческой натуре, я бы даже сказал - рисование приближало меня к высшему. За работой я ощущал себя «юным» Богом, творящем на своём полотне мироздания жизнь, и только я решал, чему бы в моём мире нашлось место, а чему нет.

Жизнь в имении Мастерсонов продолжала течь в привычном ритме, и это хорошо. За последнее время не случилось ничего, что послужило бы поводом для отца упрекнуть меня за плохое содержание дома, хоть эта ответственность и была возложена мной на Эдду. Я же несколько дней посвятил исключительно работе над картиной, отвлекаясь лишь на еду и сон. Свои силы я конечно весьма переоценил, потому что уже завтра возвращалась Лавьен, а я ещё был далёк от окончания работы, но на самом деле я не видел в этом ничего плохого. Каждое движение кистью чувственно и выверено дополняло пейзаж тем, чем нужно и там, где это было нужно, особенно тогда, когда к этому приходило своё время. Можно конечно было и поторопить себя, но тогда моя работа потеряла бы утончённость и чувственный след, а мне не хотелось при первом взгляде на законченную картину испытать разо-

чарование.

Во-о-т так, - сказал я, сделав последнее на сегодня движение кистью.

Я принялся разглядывать исход сегодняшних трудов - наши с Лавьен ладони, лежащие на парапете моста. Получилось волшебное.

Прибрав рабочее место, я поужинал и отправился в кровать. Сердцебиение участилось, ведь мной вновь завладели размышления о встрече с Лавьен. Я не знал, когда точно она вернётся, но, если понадобится, я готов был ждать прямо перед домом Нотиннесов, пока не увижу бы свою возлюбленную. Завтра миссис Нотиннес навряд ли вверит мне дочь для очередной прогулки, но жест вежливости она непременно оценит.

Как же утомительно чувство ожидания! У меня складывалось ощущение - чем больше приближался момент встречи с Лавьен, тем дальше от меня оказывался так необходимый мне сон. Я постарался устроиться поудобнее и принялся наблюдать за вечерним заревом. Так и пролежал до ночи, пока не засияли звёзды и не взошёл серебряный диск луны. Наконец, мне удалось уснуть.

Снова этот контурный мир, и я даже ему обрадовался, ведь здесь я мог увидеть Лавьен. Но, как на зло, в этот раз её не было на мосту, и я одиноко слонялся туда-сюда, казалось, целыми днями. Это утомляло даже во сне, но, чем мне

поистине не понравился этот сон, так это движимым со стороны цветочных полей серым небом, в чьих оттенках и постоянных переливах я видел такие образы, будто бы из этих гнилостных туч наружу собиралось вырваться нечто отвратительное. Зрелище захватывало дух и навело на меня дикий ужас. Апогеем кошмара стал дикий раскат грома, заставивший меня проснуться.

Утром я вновь стоял перед холстом и рисовал, но вскоре оставил работу. Руки отчего-то тряслись, да так, что я чуть не навредил картине неловким движением, которое бы нарушило плавность перехода левой дневной части в центральную закатную. Наведя порядок на рабочем месте, я начал собираться на встречу с Лавьен, благо Эдда сэкономила мне время и помогла мне подобрать костюм. Когда я был готов к выходу, она пожелала мне удачи и поцеловала в лоб, словно давая благословение на встречу с любимой.

От поездки на экипаже я воздержался, вместо этого решил прогуляться по окраине города и подышать свежим воздухом. Я был чересчур возбуждён, а прогулка могла бы помочь мне успокоиться. Жаль, что мой путь лежал не через Карнэ, так бы пришлось сделать крюк и прийти к имению Нотиннесов под самый вечер. С одной стороны – это было бы хорошо, ведь я не знал, когда точно Лавьен вместе с матушкой вернутся домой, но с другой, утомлять уставших с дороги дам своим присутствием было бы некрасивым поступком.

Выйдя за ворота, я свернул вправо, и, пройдя вдоль соседского дома, вышел к пустырю. Вдалеке виднелись дома другой улицы, а перед ними поросшая травой земля, выделенная властями города для продажи. Это место пустовало сколько я себя помню, ведь новые жители хотели селиться поближе к центральной площади и театру, а здесь... может когда-нибудь, мы вместе с Лавьен построим здесь своё семейное гнёздышко и проживём счастливо.

Вскоре я повернул налево и побрёл вдоль пустыря, отсюда начинался самый короткий, но в то же время вполне достаточный для прогулки, путь до улицы Кастейн. По пути я постоянно предавался мыслям о Лавьен, пока внезапно меня не окутало невидимое облако смрада, заставившего меня зажать нос. Было сложно разобрать, чем так смердело, как будто трупный запах смешался с гарью и вонью кучи помоев. Отвратительно! Я ускорил шаг, но запах всё усиливался, пока я не заметил его источник - небольшая насыпь, от которой тянулась чёрная дымка. Кому взбрело в голову сжигать что-то настолько зловонное рядом с жилой улицей? Нужно было сообщить властям, источник вонии необходимо было срочно потушить и устранить. Я хотел было сходить до городской администрации, но мной овладел нездоровый интерес к тому, что же всё-таки сгорало в той насыпи. Ступив на пустырь, я направился к ней и подошёл, как мне казалось, на безопасное расстояние. Запах был выворачивающий, но пока ещё терпим, однако долго выносить его я бы

не смог. Ничего не получалось разглядеть, поэтому я сделал ещё несколько шагов и опешил. Из присыпанной и обгорелой чёрной земли торчал недогоревший рукав моего пиджака, я знал это наверняка. Тут я вспомнил о бродяге... Об отвратительном чёрном цвете.

Я бросился прочь, бежал что есть мочи, словно преследуемый чем-то зловещим, нечто невидимым моему глазу, но я был уверен, меня точно что-то преследовало. Мне, наконец, удалось вырваться с окутанного зловонием пустыря. Какой же я глупец! Зачем, зачем я полез туда? Какой же я идиот! Прогулка была испорчена. Я вспотел, а виски начали неприятно пульсировать. Понюхал рукава пиджака и руки, запаха не было, он не успел въестся в мою одежду, но воспоминание о нём всё ещё не отпускало меня.

Не было сомнений, эта насыпь дело рук Эдды. Почему она сожгла одежду так близко к домам, неужели ей было лень пройти дальше? Это было совсем на неё не похоже. Может она чего-то испугалась и хотела избавиться от запачканной одежды поскорее, или ей стало дурно от запаха, исходившего от костюма? Это казалось правдивым, ведь от насыпи не просто пахло гарью, от неё несло мертвечиной, и это было странно и по-своему мистически. Не могла горящая ткань так пахнуть, только если в этом пламени действительно не горело тело какого-нибудь давно умершего животного или... человека?

Отбросив мысли о горящей насыпи, я перешёл на медлен-

ный шаг и заставил себя думать, что никакой насыпи и в помине не было. К тому же я принял решение не спрашивать у Эдды, почему она решила сжечь одежду так близко к нашей улице, потому что, какая теперь была разница? Правильно, никакой.

Когда я добрался до улицы Кастейн, мне стало значительно легче, только лёгкое давление в висках раздражало. К моему удивлению потрясение от зловонной насыпи подействовало на меня отрезвляюще - я теперь не трепетал от предвкушения встречи с Лавьен, а был готов предстать перед ней в полном спокойствии. Вновь принялся и убедился, что от одежды не исходила даже толика зловония, после чего я уверенным шагом направился к возлюбленной.

Из-за домов показалось имение Нотиннесов. К моему огорчению у дома не было видно ни экипажа, ни слуг. Скорее всего я слишком поторопился. К тому времени я бы не отказался принять что-нибудь от головной боли, и подумал, возможно кто-то из дома Нотиннесов смог бы мне в этом помочь? Странно, ворота, они были заперты на цепь, хорошо, что калитка оказалась открыта. Может, все уже вернулись рано утром? Пройдя через двор и насладившись архитектурным видом имения Нотиннесов, я поднялся по ступеням и постучался в дверь.

Вскоре мне открыла женщина, я её помнил, она подавала еду на гостевом обеде. Забавно было видеть выражение её лица, она точно не ожидала моего визита.

- Здравствуйте, мадам! Коул Мастерсон, сообщите Нотиннесам обо мне.

- Здравствуйте, сэр! Сообщить? Прошу прощения, но их нет.

- Ещё не приехали значит. А могу ли я подождать их в доме?

- Извините, сэр, но Нотиннесы уехали во Францию... то есть, переехали.

Я испытал шок, что это дамочка несёт, какой ещё переезд во Францию?

- Подождите, миссис Нотиннес сообщила мне, что у них запланирован недельный отъезд, о переезде не было и речи.

- Может так оно и было, но пришло распоряжение от мистера Нотиннеса. Все переезжают во Францию, даже прислуга. Поверенный уже занимается продажей имения.

Во мне нарастало беспокойство и негодование, да ещё головная боль усилилась. Почему меня никто не поставил в известность? Что мне было теперь делать, может написать отцу? Нет! Ему точно не стоило, он всё равно вернётся в конце недели. Точно, поверенный - вот зацепка.

- Где я могу найти поверенного семьи Нотиннесов? – Я старался сохранить спокойный тон, но он явно не соответствовал моей внутренней тревоге. Не получи я ответов, то вполне мог бы сорваться на прислугу. Следовало держать себя в руках, иначе я рисковал потерять Лавьен и расположение Нотиннесов навсегда.

- Он в отъезде. Насколько я знаю, его стоит ожидать через две недели. Может, мне ему что-нибудь передать по приезду?

Передать? Почему всё так сложно? Нигде не найти ответа. Всё выстроено как продуманный план обмана. Лавьен, неужели ты всё знала и молчала?

«Просто... так не хочется уезжать». «Прощай, Коул Мастерсон, этот день я не забуду никогда».

Что же мне ещё оставалось думать? Я не верю, Лавьен бы со мной так не поступила. Это всё её родители - то мистер Нотиннес заставляет семью навестить меня, то миссис Нотиннес рассказывает о каком-то недельном отъезде, а теперь, ни с того ни с сего тайный переезд? Это всё неспроста, иначе зачем такая срочность? Но что же мне теперь делать? Видимо мне всё-таки придётся обратиться за помощью к отцу.

- Нет, благодарю вас!

- Всего доброго, мистер Мастерсон.

Еле сдержав свой гнев, я поспешил домой. Мне хотелось взвыть от горя, сокрушить всё вокруг, выплеснуть нахлынувшие на меня дикие, животные чувства. Чем дальше я шёл, тем больше убеждался в обмане. Как будто... это всё и вправду было «хорошо отрепетированным спектаклем». Теперь я хотел потребовать объяснений от миссис Нотиннес, кто как не она лгала мне прямо в глаза. «Нет! Перестань, Коул, не стоило падать так низко», - подумал я. Требования всё равно не принесли бы ничего кроме проблем, всё же, кто я такой

для миссис Нотиннес?

«Ну да, планы переменялись, но это не повод требовать от меня объяснений.», - вот, что она ответила бы.

Иного выхода не оставалось, мне следовало дожидаться отца.

Домой пришлось идти по наполненным людьми улицам. Путь через пустырь я даже не допускал, но можно было пойти по мосту через Карнэ, только я боялся лишь усилить то тяжёлое чувство, что сдавливало моё сердце и голову. Меня одолевало раздражение, я чувствовал себя обманутым и начал винить за это всех вокруг. Вот, снова мне бросили улыбку, приветствие, дружеский жест, какие же лицемерные лжецы! Жаль, что я не мог отдать им свою головную боль и душевные страдания, тогда бы я на них посмотрел. Лжецы!

Придя домой, я встретил Эдду.

- Мистер Мастерсон, как прошла встреча? Вы что-то...

- Не сейчас, – грубо перебил я Эдду и прошёл мимо.

Я запер комнату на ключ, никому не следовало тревожить меня сегодня, иначе пожалеет. Мне нужно было отвлечься от головной боли, и я не придумал ничего лучше, чем заняться картиной. Когда я увидел наши с Лавьен нарисованные руки, то мне даже стало чуть легче, и я мысленно пообещал самому себе, что найду её, чего бы мне это не стоило.

Подготовив банки с красками, я принялся работать. Боль всё не покидала меня, но я продолжал рисовать, и скоро картина захватила всё моё внимание. Теперь я воображал, как

снова оказался на мосту, как прикасался к ладони Лавьен, к её нежной и гладкой коже. Это было идеальное воспоминание, но даже в мыслях стоило мне повернуть голову в сторону, как передо мной представал отвратительный чёрный цвет.

Его вид заставил меня дёрнуться, как будто я только что пробудился ото сна. Голова раскалывалась так сильно, что я сел на кровать и принялся тереть руками лицо, пока хоть немного не пришёл в себя. На полу лежала кисть, а рядом сверкала капля синей краски. Взглянул на картину и ужаснулся тому, что натворили мои руки. Я подошёл к полотну и взялся рассматривать рисунок. Обыватель бы не заметил ничего, а может даже отметил бы красоту моей работы, но я совершенно не узнавал картину. В новых мазках ощущалось чужое движение, чужие чувства, их будто наносил не я. Но кто как не я это сделал? И я подумал, в этом виноваты они, обманувшие меня! Их ложь отразилась на картине, и теперь в ней была запечатлена боль моей утраты. Но разве это плохо? Нет, а значит этой картине теперь суждено было стать памятью не только моим чувствам, но и лжи окружавших меня людей, и когда я подарю картину Лавьен, она будет знать, что я не поддался обману и не потерпел поражения, а продолжил бороться за право на существование нашей любви.

Вскоре головная боль настолько меня одолела, что пришлось отправиться на кухню, чтобы раздобыть у Эдды лекарства.

- Юный сэр, что случилось?

Юный сэр? Да как она смеет? Я повернулся и крикнул Эдде прямо в лицо:

- Я вам не юный сэр! Не забывайте своего места!

Эдда стояла как вкопанная и с заиканием ответила:

- Д-д-да, с-сэр.

- Дай мне что-нибудь от головной боли.

Запив какой-то порошок, я удалился обратно в комнату и заперся. Хотел было снова взяться за картину, но следовало дожждаться, пока подействует лекарство. Однако мои руки невольно потянулись к кисти, и вот я уже наносил на холст новые мазки. Я настолько отдался делу, что пришёл в себя лишь после наступления ночи. Сегодня было облачно, тучи скрывали лунный свет, но оттого даже лучше, в последнее время он мне опротивел. Открыв окно, я прилёг на кровать и довольно быстро уснул.

Я вообще поспал? Судя по свету из окна, прошло несколько часов, но у меня сложилось такое чувство, что я просто моргнул. Всему виной этот проклятый сон, в этот раз никакого контурного мира, лишь крошечная темнота и надоедливый гул, который временами сменялся на крик, доносившийся откуда-то издалека.

Утро выдалось тяжёлым, потому что головная боль начала меня донимать сразу после пробуждения. Надо было выпить

лекарство. И тут я вспомнил про Эдду. «Какой же я кретин»!

Спустившись вниз, я отыскал Эдду, в её глазах читалось разочарование. Как я мог так обидеть мою Эдду? Ума не приложу. Не было мне оправдания, я не имел право так её оскорблять.

- Слушаю вас, мистер Мастерсон.

Как холодно прозвучал её голос. Униженный и оскорблённый.

- Эдда, ты... ты прости меня, я вчера был сам не свой.

Глаза экономки наполнились слезами. Эдда была очень отходчивая, и она бы не позволила себе долго таить на меня обиду. Благо вокруг то и дело мелькала остальная прислуга, иначе бы домоправительница точно кинулась ко мне и заключила в свои объятия. Вместо этого Эдда просто кивнула в знак прощения и вытерла подступившие слёзы. Всё сложилось хорошо, времени на сентиментальности у меня всё равно не было. Прощение попросил – прощение получил, и это главное. Теперь мне требовалась помощь.

- Дай мне лекарство, двойную порцию. Голова гудит, покоя не даёт.

- Сэр, лучше позвать доктора, нельзя так часто...

- Эдда, - перебил я её, - если станет совсем невмоготу, позовём, а сейчас, просто дай мне порошок.

- Но...

- Эдда, и так голова трещит, давай без этого, пожалуйста.

Эдда смиренно пошла на кухню, и я это запомнил. Обез-

обезболивающее хранилось отдельно от остальных лекарств, я когда-то слышал, как об этом говорила Эдда, и я всегда задавался вопросом почему? Неужели оно такое дорогое или может оно запрещённое? Определённо что-то из этого, не могло же в самом деле лекарство навредить?

Я решил проследить за Эддой, и этот поступок казался моей натуре отвратительным, но мне нужно было узнать, где точно хранится лекарство. Отец и Эдда всегда были правы - всё-таки я избалованный мальчишка, который в случае любой беды будет неспособен помочь себе самостоятельно. Настало время это исправить. Вот только Эдда ни за что не сказала бы мне, где лежало обезболивающее, она итак согласилась помочь скрепя зубами. И вот теперь я, Коул Мастерсон, был вынужден вести себя в собственном доме как жалкий вор и втайне следовать за прислугой. Как же низко я пал...

Я остановился перед входом в кухню. Эдда зашла в кладовую, комнатка была небольшая, а значит искать долго не придётся. Навострив слух, я услышал, как экономка открыла какую-то дверцу, значит лекарства лежали наверху, внизу ящики звучали по-другому, это я запомнил ещё с детства, когда по ночам таскал из кладовой сладости. Дверца кладовой открылась, и я тихо прошёлся по дому и вернулся на прежнее место. Как же погано я себя чувствовал, наверное, как дедушка во времена своей болезни. В периоды обострения недуга, дед выбирался из комнаты и воровал по дому самые разные вещи, какие точно я не знал, но многие из них

определённо представляли для него опасность. Вот теперь и я словно душевнобольной человек искал для себя запретное и опасное.

Эдда вернулась и дала мне стакан с разведённым в воде порошком, а я жадно выпил его содержимое. В воде и в правду оказалась двойная доза, вкус был уж очень горький.

- Спасибо, Эдда.

- Больше я вам не дам. Либо врач, либо терпите, иное я даже обсуждать не буду.

Слова Эдды прозвучали строго, так и хотелось парировать своим хозяйским тоном, но не следовало поддаваться гневу. Моё раздражение и злоба шли от боли, и Эдда точно не была в этом повинна.

Вернувшись в комнату, я хотел было порисовать, но прежде чем начать, сел в кресло и стал дожидаться действия лекарства. Эта чёртова головная боль всё не унималась. Мне захотелось пробить себе голову, всунуть в отверстие пальцы и разломить череп пополам, чтобы выпустить то чудовище, что скреблось и давило изнутри. В этот раз пульсировали не только виски, боль растекалась по лбу до самой макушки. Она бушевала, пылала, билась в моём черепе, словно запертая в клетке обезумевшая птица.

Я плюнул на ожидание и начал рисовать. Краски были на исходе, но оставшихся должно было хватить. Я стал неряшлив в обращении с инструментом, даже перепачканные краской руки вытирал об одежду. Но это было «присуще многим

юным гениям», где-то я что-то такое слышал. Теперь прислуге было запрещено входить в мою комнату, даже Эдде. Никому нельзя было прерывать поток моего творчества, которое начало выплёскивать на холст то страсть, то гнев. Теперь же не только пейзаж оказался разделен на светлое и тёмное, потому что мне начало казаться, что теперь и во мне душа разделилась две личины Коула Мастерсона. Лишь одно оставалось неизменным - никакого чёрного цвета, который, как оказалось, уже подкрался ко мне.

Отвратительно! Скипидар для краски и воду для промывки кистей уже давно пора было бы сменить. В них уже смешался с десяток красок, образовавших болезненно-грязный серый цвет - цвет проказы и разложения. Резким ударом я сбил оба стакана с кофейного столика, настолько мерзко выглядело их содержимое. В дверь комнаты постучались, каждый удар отдавался в моих висках и причинял мне нестерпимую боль.

- Мистер Мастерсон, с вами все в порядке? - голос принадлежал не Эдде.

- Не отвлекайте меня! – взревел я, совершенно себя не узнавая. – Не смейте стучать, прочь от двери!

После выплеска гнева я вновь остался наедине с картиной и болью. Отдышавшись, я постарался собраться с мыслями. Не получилось, мне нужен был порошок, но сейчас его было не достать, поэтому пришлось смиренно и страдальчески дожидаться вечера. Я поднял стакан, а затем сполоснул и на-

полнил его заготовленной в ванной чистой водой из ведра. Её вид натолкнул меня на самоочищение - не так-то было просто смыть с себя грязь и краску, куда сложнее было освободить голову от дурных мыслей, гнева и боли. Но если в первом мне могла помочь вода, то во втором – только работа над картиной. Во зародилась мысль, что сам Господь испытывал меня и мои чувства к Лавьен, но его попытки были тщетны - я не намеревался сдаваться. Спустя немного времени я помылся и переоделся, и даже начал чувствовать себя гораздо лучше, поэтому сразу же отдался творчеству и рисовал, пока головная боль вновь не вернулась.

Этой ночью мне было не уснуть. Лунный свет, лившийся из окна, раздражал глаза, лишь усиливая головную боль. Пришлось закрыть шторы. Нужно было как можно скорее найти порошок, без него эту ночь я не перенесу. Медленно открыв дверь, я прислушался, в доме было совершенно тихо, все уже спали. Как самый настоящий ночной вор я добрался до кладовой. Повезло, спички были на своём месте, я зажёл одну и осмотрелся, рядом не оказалось даже маленькой свечи. Пришлось зажечь ещё одну спичку и с ней войти в кладовую. Долго рыскать не пришлось, спасибо Боже, мои руки и без того тряслись как у больного, а ожидание лишь усиливало дрожь. Первая дверца, тут были специи, вторая – тут другие, но за ними стояла банка, такая же, как в аптечной кладовой. На ней что-то было написано, но спичка потухла, и я не успел ничего прочитать. Я взял банку и сунул в неё

палец, а затем попробовал содержимое. Это было оно. Поставив банку на место, я присел и зажёл ещё одну спичку. В нижней тумбе я взял одну из десятка пустых склянок, затем поднялся. Огонь тут же потух. Больше нельзя было расхаживать спички, они зажигались громко, да и запах стоял стойкий, лучше было не рисковать и действовать в темноте. Взяв банку, я отсыпал часть лекарства в склянку и вернул её обратно за мешочки со специями, потом аккуратно закрыл дверцу. И вдруг я подумал, а что если я просыпал порошок? Мне пришлось зажечь ещё одну спичку и осмотреть кладовую. Я молодец, ничего не просыпал, а свою склянку наполнил наполовину. Собрав использованные спички, я потушил последнюю и положил их все к мешку с мусором, после чего отправился в свою комнату. Моё сердце колотилось как бешенное, но, когда я вошёл в комнату, мне сразу полегчало. У меня ещё был сменный комплект одежды, воды хоть упейся, но еды совсем не осталось. Ну и ладно, аппетита в последние дни у меня всё равно не было. Главное, что с лекарством я наконец-то мог закончить картину.

Внезапно я вспомнил про вино в погребе. Было бы неплохо стащить один бочонок и, хотя бы этой ночью притупить боль не лекарством. Но будь у меня даже сотня спичек, я бы не отправился в погреб ночью. В темноте мне бы ничто не помешало оступиться и свернуть себе шею. Я оставил мысли о вине, всё же, оно могло и не помочь мне усмирить головную боль, а вот порошок ещё как мог.

В ванной я набрал стакан воды и застопорился.

«А как отмерить дозу? Чёрт! И не спросить же. Ладно, попробую на глаз».

Пришлось наспех трижды досыпать порошок в стакан и вот он, тот самый горьковатый привкус. Добавил ещё немного для верности, слишком уж сильно болела голова. Жадно выпив содержимое, я в какой-то мере испытал наслаждение.

«Горькое, но так нужное мне лекарство».

Облегчение пришло быстро, но вместе с ним меня охватило лёгкое чувство тошноты. Пришлось пролежать в кровати около часа. Я даже вспотел, неужели переборщил с дозой? Однако долго беспокоиться не пришлось, вскоре тошнота ушла, а головная боль так и не вернулась. От радости я открыл окно и впустил в комнату вечернюю прохладу и лунный свет. В этот раз меня ничего не раздражало, всё вновь стало прекрасным. Я вернулся в кровать и начал любоваться картиной. Да, гнева я в неё вложил уж очень много, но это было не страшно - завтра возьмусь за правки. И даже несмотря на недочёты, я диву давался тому, насколько чувственной и красочной получалась картина. Она, как бы выразились профессиональные художники, жила.

«О, моя Лавьен, знала бы ты, какой подарок скоро будет готов для тебя. Интересно, как ты там без меня?»

Пока я мысленно был с возлюбленной, желанный сон незаметно настиг меня.

Я ступил на земли контурного мира, теперь уже чистого, как в первый день моего пребывания в этом фантастичном месте. Вдали я увидел мост, на котором меня ждала пышущая цветом Лавьен. Я сразу же устремился к ней и, когда оказался рядом, хотел признаться ей, как скучал, но у сна были другие планы.

Лавьен повернулась ко мне, и передо мной предстало её переполненное страхом лицо. Она прижалась ко мне и показала в сторону холмов. Я не сразу сообразил, что происходит, но сначала обнял трясущуюся Лавьен, и только после медленно повернул голову.

Прямо на нас надвигалось что-то похожее на волну перегнившей плоти, разных оттенков серого масса, от которой исходил пар и такое зловоние, что я всецело ощутил его даже во сне. Во мне что-то щёлкнуло и я, схватив Лавьен за руку, побежал вместе с ней к контурному городу.

Мертвенная волна настигала нас, на это намекал запах самой Смерти. Я знал, что при бегстве никогда не стоило оборачиваться, но явление позади меня было настолько иррациональным, что мне дико хотелось взглянуть на него ещё раз. Это стало моей роковой ошибкой.

Нас настигала не волна, а самое настоящее чудовище, собранное из перегнивших останков людей, животных и только Бог знает, чего ещё. Оно совершенно точно было живым, я видел его пасть и тянущуюся к нам когтистую лапу, усыпанную белыми, омерзительными головками прыщей. С его

чёрных когтей на землю капала зловонная гниль. Существо почти догнало нас, я даже смирился со скорой и кошмарной смертью.

Напоследок я обернулся, тварь занесла лапу и раскрыла огромную пасть. Её когтистое орудие устремилось на нас, я лишь успел прижать к себе Лавьен, и тут раздался такой громкий раскат грома, что я очнулся и свалился с кровати на пол.

Голову разрывало от боли, как будто внутри неё разорвался снаряд, осколки которого вонзились в мой мозг и беспрестанно врезались всё глубже. Мне был нужен порошок, ещё больше чем вчера. Я развёл повышенную дозу, как же это было горько, меня чуть не вырвало. Я выпил ещё стакан чистой воды, стало лучше. Теперь я понимал, что надо было заканчивать картину как можно скорее, а после незамедлительно явиться к врачу. Долго бы я так не протянул.

Я потерял счёт дням и ночам, теперь я вёл поистине затворническую жизнь. Утром и ночью я в неравной борьбе бился с головной болью, и каждый раз она выходила победителем. Приходилось постоянно повышать дозу лекарства, чтобы на пару часов освободиться от боли, и я вроде бы раза два или три поел, но я не был в этом уверен.

В какой-то момент мне почудилось, что я выпал из жизни: забывал умываться, принимать ванну, менять одежду, я начал пренебрегать всем, что было нужно цивилизованному

человеку. Всё это было ради картины, не было мне покоя, пока я не закончу её. Я рисовал не переставая, совершенно растеряв власть над временем. Да я даже не знал, сколько дней миновало и когда в последний раз спал, но одно я всё ещё понимал наверняка, осталось ещё чуть-чуть и картина будет закончена. Эта треклятая боль снова вернулась, нужно было принять лекарство.

Похоже я переборщил с дозировкой. Меня вырвало, но я всё равно допил остаток воды с разведённым в ней лекарством. Когда пришло облегчение, я взялся за работу и почти приблизился к финалу своей работы. Краски почти закончились, некоторые цвета пришлось заменить другими, но ничего страшного, потому что мне всё же удалось передать красоту природы и мои чувства к Лавьен. Осталось только белое вытянутое пятно, прямо по центру холста, прямо там, где я намеревался нарисовать колонну Ириехама, и где пока виднелась поставленная мною карандашом точка – её вид мне не понравился, она почему-то напомнила гниlostное чудовище из моих снов, которое прямо сейчас проникло в мою картину и несло в сторону наших с Лавьен нарисованных ладоней. Оно хотело...

Не сходил ли я с ума? Только что я услышал раскат грома? Снова этот громкий звук. Нет, это не гром, что-то с силой ломилось в мою дверь. Мне ещё никогда не было так страшно наяву.

- Открой, Коул, сейчас же! Иначе я вышибу дверь.

«Отец?!»

Меня словно окатили холодной водой и вырвали их за-
тяжного сна. Я уснул стоя? Разве уже миновала неделя? У
меня такое чувство, что прошло всего пару дней.

- Коул, открой эту проклятую дверь!

- Я... я сейчас.

Мне стало не по себе, во мне свирепствовал вихрь волне-
ния и страха, а тут ещё с новой силой нахлынула боль. Как я
могу открыть дверь и показаться перед отцом в таком виде,
да ещё среди всего этого «бардака»? Я осмотрелся и с печал-
ью понял, что это была уже не просто неубранная комната,
а настоящий рассадник грязи и болезни.

- Я выбиваю! – взревел отец.

Подбежав к двери, я резко повернул ключ и отступил на
пару шагов назад. Дверь раскрылась и чуть не вылетела из
петель. Отец ворвался в комнату, за ним вошли Эдда и Аль-
берт – перепуганные, ошарашенные, не понимавшие, где они
сейчас оказались.

- Коул, что тут происходит? – Отец схватил меня за про-
питанную потом и краской рубаху и дёрнул к себе. - Объяс-
нись, что ты с собой сотворил? Почему молчишь? Живо от-
вечай!

Он чуть всю душу из меня не вытряс. Я едва сдержал крик
боли, мне снова нужно было лекарство, много лекарства.

- Отпусти, мне плохо...

Отец повернулся к Эдде.

- Врача, быстро.

- Нет-нет, - попытался возразить я, - со мной всё хорошо.

- Хорошо? Хорошо! Ты с коня упал что ли? – Отец отступил на шаг и странно усмехнулся, видимо он всё ещё был шокирован увиденным. – Это ты называешь «хорошо»? – Он обвёл рукой комнату, а затем взял меня за плечи и посмотрел мне прямо в глаза. – Ответь мне на вопрос и будь со мной предельно честен. Ты видел что-нибудь странное?

- Нет, пап. Лавьен, я ждал пока...

- Какая к чёрту Лавьен? Оставьте нас, - рявкнул отец на прислугу. Когда дверь закрылась, он продолжил. – Объясни мне, что здесь творится? Ты что, даже не замечаешь, в кого превратился? Это ещё что? – спросил он, смотря на картину.

Был ли смысл продолжать что-то скрывать от родного отца? Может быть, но для меня это уже было не важно.

- Это подарок.

- Подарок? – возмущённо спросил отец.

- Да, подарок. Где Лавьен? – твёрдо решил я добиться правды от отца.

- Что за тон, прояви уважение к отцу!

- Ты не ответил, – прищурился я, ожидая удара. Неужели, первый раз в жизни он не наказал меня за неподобающее поведение? Бывало, я получал отцовскую пощёчину и за меньшее, а тут? Неужели он причастен к отъезду Лавьен, ведь как ещё было объяснить его странное поведение?

- Что ты хочешь от меня услышать? Твоя Лавьен во Фран-

ции, будет учиться, в отличие от тебя. Ты же без меня тут вообще распоясался. Посмотри, ты мой дом в свинарник превращаешь!

- Как учиться?

- Приди в себя, сын, ты уже не мальчишка! Влюбился значит... молодец. Так вот, Лавьен Нотиннес оказалась не такая легкомысленная как ты. Мистер Нотиннес поступил поумней меня, он не стал церемониться. Как же стыдно, собственный сын ни во что не ставит отца!

Мистер Нотиннес вот так вот взял и перевёз всю семью ради учебы дочери, а Лавьен вот так вот запросто согласилась? Странно, неужели отец лгал мне прямо в лицо?

- Послушай, Коул, хочешь добиться внимания Лавьен - пожалуйста. Но для начала ты сам вычистишь этот свинарник.

- Мне...

- Закрой свой рот и слушай меня! – крикнул он. Я испугался, в гневе отец вселял ужас не хуже, чем гнилостный монстр из моего кошмара. – Вычистишь и приведешь себя в порядок. И даже не смей просить прислугу помочь тебе, хватит Эдде опекать тебя, уже не маленький. И раз ты не желаешь видеть сегодня врача, твоё право, всё равно мне было бы стыдно показать тебя кому бы то ни было. Но завтра мы пойдём на приём к доктору Чемберсу. Ты вообще себя видел? Ты же исхудал и бледен словно труп, сегодня же хорошо поешь. А если ты действительно хочешь увидеть дочь

Нотиннесов, будешь делать то, что я скажу. Либо ты становишься тем, кому я могу доверить свои дела, либо ты вылетишь из этого дома на улицу, тогда ни Лавьен, ни содержания тебе не видать, будешь побираться. Понял? – Я не ответил. – Но если в твоей голове есть хоть доля сообразительности, то ты поймёшь, что тебе надо научиться быть взрослым. Чем ты собираешься кормить свою возлюбленную? Ты подумал, будет ли у вас крыша над головой? Чем ты обеспечишь свой заработок, надеешься на моё состояние? Нет, тут ты ошибся. Тебе интереснее, как я погляжу, узнать, где дно человеческое? Коул, я тебя предупредил, возмись за голову и не заставляй меня идти на крайние меры.

Какая складная песня. Мой отец был искусный манипулятор, он всегда добивался своего. Теперь я был уверен, он как-то узнал о моих чувствах к Лавьен и сам же склонил мистера Нотиннеса отправить дочь в другую страну. Но как он узнал, неужели Эдда предала меня?

- Ты это всё спланировал, – обвинил я отца, преодолевая страх перед ним.

- Что? – удивлённо воззрился на меня отец.

- Да-да, вот как ты меня заставляешь жить. Хочешь забрать у меня Лавьен, манипулируешь мной, как...

Тяжёлая пощёчина чуть не свалила меня с ног и отозвалась сильнейшей болью в голове.

- Знай своё место, щенок! Совсем рехнулся? Полагаешь, твой отец будет как идиот сидеть и выдумывать как бы свое-

го сыночка вразумить? Не смей меня так оскорблять, лучше подумай над тем, нужен ли Лавьен такой как ты. Уверен, во Франции найдётся тот, кто предложит ей что-то лучше твоих любовных глупостей. Разговор окончен.

Отец развернулся и почти вышел из комнаты, но я не желал подчиняться его тирании и лжи.

- Я сбегу, слышишь, сбегу!

Отец остановился и произнёс, даже не обернувшись.

- Может так будет лучше, надеюсь, ты сможешь о себе позаботиться. – Он вышел из комнаты, спокойно закрыв за собой дверь. Бесчувственный лжец и бездарный отец.

Голова нестерпимо болела, я остро нуждался в лекарстве. Порошка осталось на пару дней, но мне должно было хватить. В дверь кто-то постучал, и это обернулось для меня мукой – теперь любой, даже самый слабый звук отдавался вспышкой боли. Мне захотелось схватить что-нибудь и обрушить на голову стучащего, чтобы он узнал, хотя бы отчасти, каково было мне сейчас. Ручка двери повернулась, кто посмел войти ко мне без приглашения?

- Как вы, сэр?

- Эдда? Уходи, я не хочу тебя видеть.

- Милый Коул, - Эдда медленно приближалась ко мне, но каждый звук её шага разрывал мою несчастную голову. – Не сердись на отца, он сгоряча. Коул, мой милый мальчик. - Я слышал, как она плачет, всхлипывает и скулит, словно побитая собака. – Но, твой отец прав, тебе надо...

- Прав? Что ты несёшь? – Меня обуяла злоба, я обернулся, Эдда уже тянула ко мне руки, чтобы обнять. – Ты с ним заодно? Так ты тоже меня обманывала? Зачем ты ему рассказала?

- Что? Коул...

- Заткнись, закрой свой рот... Лгунья! – Я схватил Эдду за руку, так сильно, что она поморщилась от боли. Проклятая старуха, её скулёж совершенно вывел меня из себя, и я вытолкал её из комнаты. – Ты такая же лгунья, как все они, лицемерка. Кем ты себя возомнила, моей матерью? Не смей больше трогать меня! – Я захлопнул дверь и пошёл в ванную комнату, продолжая сыпать оскорблениями. – Лгунья! Я вас ненавижу, ненавижу!

В ванной я открыл ящик тумбы и достал порошок. Сначала я высыпал в стакан свою уже обычную дозу и немного сверху, только так можно было победить боль. Пил я жадно, несмотря на то, что при этом тошнило. Допив воду, я собрал нерастворившиеся остатки порошка со дна дрожащим пальцем и отправил их в рот.

Я вернулся в комнату и подошёл к картине. Руки тряслись от нервов и гулявшей в голове боли. Сегодня точно нельзя было заканчивать, не после такого скандала. Я вновь мысленно обратился к Лавьен и пообещал ей, что не брошу попыток отыскать её. Внезапно закололо живот, это была нестерпимая боль, меня снова вырвало, и наконец пришло облегчение. Я не стал за собой убирать, даже напротив, мне

было приятно осознавать, что это придётся убирать предательнице Эдде и её лицемерным помощникам.

Присев в кресло, я дождался действия лекарства. После я вернулся к холсту, и мне было неприятно на него смотреть. Он выглядел как отражение моей настоящей жизни - светлые тона перемешались с тёмными. Теперь это был уже не яркий и чувственный подарок Лавьен, а мой личный дневник в грязных красках.

Любуйтесь люди, до чего меня довели проходимцы, которых я всегда считал семьёй, друзьями и близкими. Любуйтесь, такое уродство сотворил сын уважаемого Роберта Мастерсона. Любуйтесь, автор смог достичь дна, не успев даже ненадолго взлететь к вершине успеха своего творения. Никто и никогда не смог бы разглядеть в этом цветном безумии истинного настроения картины и вложенных в неё чувств.

Мною начинал овладевать гнев, но я не дал ему возыметь надо мной силу. Поэтому я вернулся в кресло и, удобно в нём устроившись, закрыл глаза, желая хоть немного отдохнуть.

Я бежал по контурному миру вместе с Лавьен от гнилостного чудовища. Но в этот раз гром не сулил нам спасения. Когтистая лапа пронеслась рядом со мной, и я не смог уберечь Лавьен. Чудовище раскрыло пасть с намерением проглотить мою возлюбленную. Я истошно завопил от горя, потому что в той клыкастой червоточине я увидел кое-что ещё – насаженное на зуб омертвевшее тело Эдды. Мои ноги под-

косились, и я упал на колени, страдая от собственной беспомощности. На моих глазах тварь погрузила Лавьен в свою пасть и начала пережёвывать её вместе с останками Эдды. Мне хотелось покончить с собой прямо там, на контурном пустыре, но вместо этого я встал и понёсся вперёд, чтобы вступить в неравный бой с отвратительнейшим в мире монстром. К несчастью я споткнулся и полетел на белую землю, которую окрасила алым брызнувшая из моего носа кровь. Я резко обернулся, чтобы рассмотреть то, обо что я оступился - позади меня оказался тот самый оборванец, которого я встретил на мосту. Во мне забурило желание подняться и броситься на бродягу, чтобы отнять у него «жизнь», но я не успел. Бродяга резким движением сорвал изорванный капюшон, и тогда страх чуть не остановил моё сердце, потому что я увидел его истинное лицо.

Вздвогнув, я проснулся всё в том же кресле, со следами рвоты на пожелтевшей от пота грязной рубашке, и сразу же приложил руку к сердцу – оно всё ещё билось. Да и зачем было проверять? Головная боль – вот доказательство продолжения моей страдальческой жизни. Как же я устал, в этот раз боль терзала меня сильнее обычного, отдавалась в скулах и горле, зараза пустила корни, а её ростки распространились по телу.

Я осторожно встал с кресла. Голова закружилась, а живот сводило судорогой. Мне было так больно, что я невольно за-

думался о том, чтобы прямо сейчас покончить с этой жалкой жизнью. В зеркале я заметил своё отражение – сгорбившееся подобие человека, который еле-еле переступает с ноги на ногу и совсем скоро оно будет неотличимо от восставшего из могилы мертвеца. Единственное, что поддерживало в этом теле жизнь, так это порошок, и моему телу требовалась последняя, самая боль... самая сладкая доза.

На полпути в ванную на меня обрушился оглушительный шум удара. Кто-то постучался, наверное, Эдда. Она разве не поняла меня? Надо было поставить её на место, иначе она не перестанет мучить меня.

Дверь открыли, но это была не Эдда.

- Коул... - услышал я тяжёлый вздох, это был отец. - Почему ты не убрал комнату? – спокойно спросил он.

- Оставь меня, сказал же, сбегу, ты меня здесь не удержишь.

- Посмотри на меня, я не хочу разговаривать с затылком.

С осторожностью я повернулся и обрадовался увиденному – отец был напуган, это читалось в его глазах.

- Ты погубишь себя, Коул.

- Мне плевать, смотри. – Я обвёл руками комнату, а затем скрестил их у себя на груди. – Это всё ты, и за это я тебя ненавижу. – Получилось театрально, но эффектно.

- Плевать? Ты даже не знаешь, до чего вчера довёл Эдду. Уверен, что ты такой взрослый, каким себя считаешь?

- Я указал прислуге её место. Будьте вы оба прокляты!

В его глазах проснулся гнев. Вот он, истинный Роберт Мастерсон, со своей лживой отцовской мягкостью. Он пошёл прямо на меня.

- Хочешь ударить? Давай. – Даже не моргнув, я теперь смело смотрел ему прямо в глаза.

Отец положил на мои плечи руки и сильно сдавил их.

- Сегодня мы никуда не пойдём. Я бы придушил тебя, ведь ты не мой Коул. Ты жалкий выродок в теле моего сына. Говоришь, будь я проклят? Считаешь себя моей жертвой?

- Если бы ты не использовал Лавьен, как кусок мяса для послушной собаки, всё было бы по-другому.

- Я до сих пор не понимаю, о чём ты твердишь, но послушай меня. Ты вчера обидел Эдду, ты унизил её, она же всегда заботилась о тебе как родная мать. Не хочешь извиниться перед ней?

- И не подумаю, я презираю лжецов и лицемеров. Убери свои руки, мне не нра... Больно, отпусти!

К головной боли прибавилась острая боль в плечах, потому что отец вдавил в них свои пальцы.

- Слушай меня внимательно неблагодарный щенок! – крикнул мне в лицо отец. - Даже если ты захочешь извиниться, даже если ты найдёшь самого Бога и будешь вечность его умолять, у тебя не получится искупить свою вину. Откуда в тебе взялась такая жестокость? Ты превратился в чудовище.

Отец словно бредил. Мне стало не по себе.

- Что ты имеешь в виду? Боишься разговоров о себе и сво-

ём низко падшем сыночке?

Отец отпустил меня и одарил презрительным взглядом.

- Вчера Эдда вышла прогуляться...

- Ну и пусть гуляет, мне...

- Закрой свою пасть! Эдду... её тело нашли рядом с насыпью на пустыре, ты слышишь? – прилетела пощёчина. - Она пришла ко мне вчера и рассказала, как ты с ней обошёлся. Эдда плакала и ушла, а знаешь, что с ней произошло? Её задушили на пустыре и бросили её тело у смердящей насыпи. Ну как, интересно послушать отца? А? – Тогда отец заплакал, я впервые видел, как плакал Роберт Мастерсон, в моём сердце что-то ёкнуло, а разум ненадолго вырвался из нечто похожего на моральное затмение.

- Но...

- Лучше ничего не говори, иначе я тебя точно убью. Я даю тебе целый день, сиди и думай, какой ты взрослый. Завтра я положу тебя в лечебницу, если в тебе ещё осталось хоть что-то человеческое, этой ночью ты не найдёшь себе покоя. Если ты думаешь, что я такой бесчувственный, то знай, ты лишь потерял деда и Эдду, а я рискую потерять ещё и тебя – последнего близкого мне человека. Господи, если мой Коул меня слышит, прошу... дай мне сил помочь ему.

Отец напоследок смерил меня взглядом и ушёл, оставив наедине с терзающим чувством вины. Когда закрылась дверь, заплакал уже я, мне не верилось, что этой ночью я потерял вторую маму, мою милую Эдду. Меня разрывало чув-

ство вины, хотелось орать от горя и отправиться на поиски убийцы. Может это был тот бродяга? Я не мог ясно мыслить, боль в теле постоянно отвлекала, поэтому я осторожно дошёл до двери и запер её. Мне нужен был порошок, только он мог унять боль и вернуть мне способность ясно мыслить. Но у меня осталось его не так много, поэтому я решил потерпеть до ночи. Нужно было закончить картину ради Лавьен, ради... Эдды.

Я сел на кровать и начал, насколько позволяла голова, размышлять о случившемся. В какой-то момент я засомневался во всём, особенно в словах отца. Это всё был обман. Нет, Эдда не была мертва, отец её уволил и заставил уехать из города, ведь он также отправил Лавьен за границу, он снова пытался манипулировать мной. Он забрал у меня всё, и оттого я ещё сильнее возжелал вырваться из того ада, в котором я оказался. Мне даже захотелось бросить рисовать, но я не мог так поступить с даром для моей возлюбленной. Из последних сил я поднялся на ноги и дошёл до холста, вид которого заставил меня содрогнуться.

Что за сумасшедший писал эту картину? Она казалась грубой и абсурдной, яркость полей затерялась за потускневшими цветами, смешавшимися в грязной воде и опьянённом разуме больного художника. Разве это безобразие можно было назвать подарком? Нет, это картина стала отражением моего низвержения на дно. Меня охватила злость, хотелось разрезать холст и сжечь останки грязной природы и

ядовитых вод уродливого двойника Карнэ.

Поддавшись чувствам, я разреvelся. Теперь я сравнивал себя с бродягой, испачкавшим мою руку гнилью. Я был болен тем же что и он, и теперь меня терзали симптомы какой-то неведомой заразы. Сердце разрывало от потери Лавьен, от гибели Эдды, от никак не утихавшей головной боли, а из моей фантазии и движений словно сочился яд, только так можно было объяснить нарисованное мной уродство. Нет, это чудовищное художество нужно было уничтожить, нельзя позволять себе завершить картину, её требовалось предать забвению. Голова вдруг разболелась сильнее обычного, жаль, что её нельзя было просто отсечь, как разъедаемую гангреной конечность. Ничего другого мне, к сожалению, не оставалось – нужно было превозмочь себя и не дать заразе победить.

Пораскинув остатками разума, я оглядел комнату и обратил внимание на несколько существенных деталей. Запыленный костюм, висевший в углу комнаты, книги, мебель, да и много чего ещё были чёрными, но их цвет не вызывал отращения. Может быть, я придавал этому цвету какое-то ложное значение? А что если обычный чёрный цвет был не против меня, а за меня? Тут я вспомнил сказку деда, там упоминалась «чёрная вуаль», жестокий Делилакьен лишил людей чёрной вуали. А что если эта вуаль и вправду существовала? Что если она служила природным оберегом человека от потустороннего, иррационального? Что если гнилостный

чёрный, которым меня одарил бродяга, послужил билетом в тот болезненный ад, в который я погружался с каждым днём всё сильнее. Если так, то свои отказом от чёрного цвета я самолично лишил себя оберега, своей чёрной вуали. Мои размышления хоть и были порождением не совсем здравого рассудка, но я чувствовал, что некая доля истины в них была. И тогда я понял, мне нужна была помощь человеческого чёрного цвета, благо такой всё ещё хранился в доме.

Я еле доковылял до двери и прислушался. Голова казалась тяжёлой, словно налилась расплавленным свинцом, который растекался дальше по искалеченному телу и конечностям, доставляя нестерпимое жжение. Особенно досталось ступням, меня буквально валило с ног, но я держался, потому что искренне хотел уничтожить отравившее меня проклятие. Мне показалось, что я простоял у двери вечность, и уже был готов рухнуть на пол, как услышал чьи-то шаги.

- Альберт? – Тишина, кто-то остановился прямо рядом с дверью.

- Сэр?

Наконец-то мне повезло, нельзя было упускать удачу, а то ноги держали моё тело из последних сил.

- Альберт, мне нужна помощь.

- Что случилось, сэр? – с беспокойством в голосе спросил он.

- Ничего такого. Слушай внимательно, на чердаке стоит банка чёрной краски, она мне нужна. Принеси её поскорей.

Тишина, Альберт медлил, и это дико меня злило.

- Да, сэр. Сейчас принесу. – Послышались удаляющиеся шаги, но затем Альберт вернулся к двери, на которую я уже опирался из последних сил. – Сэр...

- Да, Альберт?

- У вас такой ослабленный голос. Ваш отец места себе не находит, может мне...

- Принеси краску, Альберт, - выдал я приказным тоном.

Послышался тяжёлый вздох и отдаляющиеся шаги. Я же каким-то чудом дошёл до кресла, но решил пойти дальше и так добрался до стола. Из-под книг достал некогда начатое письмо, а затем со скрипом во всём теле открыл ящик и нашёл платок Лавьен. Следы крови всё ещё омрачали его былой вид, но в меня он вселял уверенность. Я вдохнул запах. Ничего, такой же опустошённый от аромата духов платок, как я от вкуса к жизни. Я взялся за перо и сделал первый шаг к «выздоровлению».

Дорогой отец, я разочаровал тебя. Нет оправдания моим поступкам, и нет прощения их последствиям. Ты прав, многое будет терзать меня этой ночью и до конца жизни. Пишу тебе в день своего прозрения. Знаю, я не тот сын, которого ты всегда хотел иметь, но клятвенно обещаю тебе, я постараюсь им стать.

Коул

Подождав, пока высохнут чернила, я накрыл платком письмо и впервые за долгое время улыбнулся... сквозь боль.

Мне надо было принять порошок, эту ночь я без него не перенесу. Колющие удары головной боли уже дошли до рук, их начинало неприятно сводить, а ноги могли совсем отняться в любое мгновение. Но я должен был продержаться и завершить свою битву, тогда врачи смогут вытащить меня из ому-та того безумия, в который я попал.

Альберт вернулся, зачем он стучит? В уши хлынул раскaлённaя металл, и мне нестерпимо захотелось порошка. Нет, мне была нужна ясная голова. Я вдруг хихикнул от этой мысли, настолько дико она прозвучала, как будто я... всё же со-шёл с ума.

Я очень медленно добрёл до двери, насколько же скрипуче двигались мои ноги, а колени раздулись настолько, что каждый шаг отдавался в них жжением. Теперь я по-настоящему чувствовал себя ходячим трупом.

- Уф! – вырвалось у меня после очередного удара в дверь. От боли я схватился за голову, но этим, кажется, сделал себе только хуже. – Я уже здесь, не стучи.

- Сэр, все в порядке? Вам плохо?

- Не твоё дело. – Я пытался сдерживаться, но вызванный болью гнев потихоньку брал надо мной верх. – Принёс?

- Да, сэр.

- Оставь у двери и иди. Нечего тебе тут ошиваться.

- Да, сэр, – ответил Альберт, чуть помедлив, а затем ушёл.

Я простоял у двери ещё несколько минут прислушиваясь, в коридоре царилa тишина. Время шло к закату, поэто-

му мне надо было поторопиться. Мне хотелось успеть закончить с делами до наступления мрака, иначе мне бы пришлось вновь отправиться в ночной кошмар, где правил потусторонний чёрный. В этот раз я боялся засыпать, ведь предчувствие подсказывало мне, что если я не верну свою чёрную вуаль, то мне не суждено будет проснуться.

Присев, я ощутил, как колено неприятно щёлкнуло, следом пришла ломота. Теперь даже кости сопротивлялись моим движениям, ещё немного и я бы рассыпался. Но у меня получилось. Приоткрыв дверь, я вытянул руку, нащупал холодную банку с краской и затащил её в своё грязное логово, словно нелюдимое создание. Вот он, чёрный цвет - тот самый, который я так опрометчиво проклинал. Теперь он казался мне цветом жизни, потому что без него не то что картина, мир бы не смог существовать. Этот был цвет грани, что отделял наш мир от мира другого, ужасного, кошмарного, иррационального. Наш чёрный цвет соприкасался с цветом потусторонней черноты неведомых запредельных областей, откуда к нам, в чём я теперь был уверен, порой проникали самые невероятные его обитатели. Теперь я это знал наверняка, потому что один такой обитатель точно подглядывал за мной из точки в центре холста.

Я встал, это оказалось трудным испытанием. Очень хотелось порошка, но я терпел. Сколько у меня оставалось времени, пока я не провалюсь в сон? Час? Два? Успею ли? Неважно, нужно было не думать, а поторапливаться. Через

несколько минут я наконец дошёл до картины и встретился с нею. Она стояла на старых ножках мольберта, я на своих болезненных и непослушных конечностях - мы были, как два гниющих и умирающих монстра, готовившиеся к решающей схватке за право на существование. Какая она была уродливая, сколько же в ней скопилось отвратительной гнили. Я так и видел, как воды отравленной Карнэ убивают цветочные поля и текут дальше в мир, чтобы сеять хаос, смерть, безумие. А перед ней две жертвы этого яда - я и Лавьен. Хорошо, что я не успел нарисовать могильную колонну Ириехама и, тем самым, закончить картину.

Со всей накопившейся злобой я вскрыл банку и выплеснул чёрную краску на картину. Мне было сложно кричать, слишком рвало горло, но я отчётливо слышал, как воинствующе рычал в своих мыслях:

«Сдохни, урод! Умри! Сгинь!»

Но победить мне пока не удалось. Краска стекала вниз по холсту, но она будто намеренно огибала центр картины. Это всё Нечто рвущееся в наш мир, оно не давало закрыть лазейку за чёрную границу.

В банке ещё оставалась краска, я сунул в неё пальцы и подхватил немного, а затем положил руку на уже покрашенную часть холста. Голова вдруг разразилась такой болью, что я выпустил банку из рук и схватился за лицо. Мне удалось превозмочь себя и посмотреть на картину. Она всё ещё была «жива», мне нужно было добить её.

Сделав неглубокий и хриплый вдох, я поднял руки и уже двумя ладонями размазывал чёрный по отравленной картине. У меня получилось, я закрасил её всю.

«Я победил! Уйди туда, откуда ты явилось».

Отступив на пару шагов, я, будучи уже в полубессознательном состоянии, удивился тому, каким образом я всё ещё оставался в сознании? Но тут по мне пробежал заряд бодрости, потому что я увидел Его. Оно было там, прямо за чёрной границей, я видел следы Его лап прямо на картине. Это та тварь, что ломилась ко мне, но теперь она была заперта там, за чёрным заслоном.

Мне стало больно дышать. Все мои жизненные силы были на исходе, мне нужно было как можно скорее принять порошок, я больше не мог выносить царствовавшей в теле боли.

Я был уже наполовину в руках смерти и не отдавал отчёт своим действиям. В какой-то момент просветления я уже сидел в ванной комнате, в одной руке была склянка с порошком, как для последней и самой большой дозы, а в другой стакан для промывки кисточек наполненный водой гниlostно-серого цвета. Я оглянулся, все вёдра с чистой водой были пусты, а времени у меня совсем не оставалось. Выбора не было, я высыпал порошок в грязную воду.

Мне было отвратительно пить эту грязную смесь, но что мне оставалось? Горло высохло, язык присох к нёбу, желудок сжался, всё моё тело требовало лекарства, оно жаждало его, оно зависело от него, и оно теперь было не моим, оно словно

приказывало мне: «выпей». И я утолил его жажду.

Из меня сразу же вырвался нескончаемый поток содержимого желудка: грязное, смердящее, отвратительное. Мне думалось, что так тело изрыгнуло поселившуюся в нём заразу. Немного подождав, я почувствовал облегчение, и ко мне вернулась способность управлять собственным телом. Я осторожно поднялся и осмотрел ванную. Чудовищное зрелище, всё было покрыто грязью и содержимым моего желудка – это была самая настоящая нора монстра.

Мне было всё ещё тяжело дышать, но я смог выйти в комнату. Её заливал теперь казавшийся приятным лунный свет и под его свечение я прошёл до кровати и сел. Мне было так хорошо, особенно от мысли, что лекарства совсем не осталось. Я пообещал себе, что больше не выпью ни капельки этого горького средства. Оглянувшись вокруг, я заметил, что пол был грязный, надо было его вычистить. Я хотел было позвать кого-то из прислуги, но тут мой взгляд упал на картину и в это мгновение боль вернулась.

Между двух следов от ладоней, прямо в центре холста, где должна была быть колонна, зияло белое пятно. Это было то самое место, которое я не закончил, но я же его закрасил! Это всё Оно, чудовище искало лазейку, нельзя было позволить ему вернуться. Я встал с кровати и сразу же упал. Ноги отказались мне подчиняться. Из последних сил я дополз до места, где разбилась банка. Краска почти высохла, но мне удалось немного подхватить пальцем. Подняв руку, мне уда-

лось опереться о кофейный столик Эдды и кое-как встать на колени. Мне было очень плохо, изо рта вырвался болезненный кашель, который я прикрыл рукой с краской на кончике пальца. Лёгкие неприятно прожгло, но я выстоял. Посмотрев на краску на пальце, я понял, что вместе с ней сверкала свежая кровь. Я вспомнил Лавьен и её платок, который также окрасился моей кровью; письмо отцу, которого на самом деле я всегда любил; и Эдду, мою любимую Эдду, которая поставила столик рядом с мольбертом, и, тем самым, помогала мне даже с того света. Мысли о близких наполнили меня крупницей силы, и я потянулся к центру картины, чтобы запечатать кровью и мирским чёрным цветом проход, через чёрный заслон. Я не успел.

Сердце осеклось, дыхание сбилось, по телу прошлась волна нестерпимого жара, а в голове пробудился вулкан. Неужели это смерть? Всё, что я успел увидеть, так это как моя рука упала на картину, но мне не довелось увидеть, закрасил ли я пятно или нет.

Смерть не забрала меня, я всего лишь потерял сознание и погрузился в сон. Очнулся я в контурном мире, только теперь здесь было темно, всё было покрыто нечеловеческим чёрным цветом и лишь вдалеке был виден свет. Сиял мой дом, место, где я родился, и где проходила вся моя жизнь. Сейчас он казался мне самым безопасным местом в мире, особенно в этом кошмарном мире.

Ноги слушались меня. Я бежал к своему дому, стараясь не смотреть по сторонам и не вслушиваясь в гул этого, казалось, бесконечного чёрного ужаса. Но любопытство снова возобладало надо мной. Я оглянулся и увидел позади себя большое белое пятно, через которые проступали отпечатки ладоней. Моих ладоней. Теперь я понимал - я за гранью чёрного заслона!

Оно всё-таки затянуло меня через белое пятно. Неужели я всё-таки умер? Нет, я все ещё чувствовал боль, только она сейчас подталкивала меня к борьбе за жизнь и подстёгивала бежать к моему сияющему дому. Всё во мне полыхало, дыхание было горячо как пар, лёгкие вот-вот могли лопнуть. Но я бежал к свету, хоть и чувствовал, как силы покидают меня, и как начали отсыхать конечности. В каком же аду я оказался?

Внезапно я услышал удар колокола и голос, моя голова разрывалась от шума. Снова этот колокол, звук раздался позади меня. Обернувшись, я увидел огромные ворота с колоколом наверху и высоченный шпиль, который тянулся от великолепного замка. Это Ириехам? В воротах стоял бездомный, это он был Чудовищем с ужасным лицом. Бродяга двинулся, он шёл прямо на меня. Подхваченный ужасом, я ещё быстрее устремился к дому, но силы оставили меня.

Ноги высохли и превратились в тростиночки, дыхание сбилось, и я жадно хватал ртом воздух, а боль добивала меня изнутри. Внезапно я услышал громкий и пронзительный

женский крик. Это была не Лавьен, не Эдда, как

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.